

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ РУКОПИСЕЙ
ИМ. Х. С. СУЛЕЙМАНОВА

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

АГАХИ

ИЗБРАННОЕ

Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент — 1984

Редколлегия: Абдурахманов Ф. А., Ахмедходжаев Э. Т.,
Джаббаров Д. Д., Каюмов А. П., Пармузин Б. С.,
Шагулямов И. Ш., Шамухамедов Ш. М.

Перевод с узбекского Н. Гребнева и Р. Морана

*В эту книгу вошли лирические стихи видного узбекско-
го поэта, историка, переводчика Мухаммеда Риза Агахи*

Составитель Фатхулла Ганиходжаев
Редактор Борис Пармузин
Художник Темир Сайдуллаев

А 25

Агахи.

Избранное. [Сост.: Ф. Ганиходжаев; Редкол.: Абдурахманов Ф. А. и др.; Пер. с узб. Н. Гребнева, Р. Морана] — Т.: Изд-во ЦК КП Узбекистана, 1984. — 128 с. с илл. (Избранная лирика Востока).

В надзаг.: АН УзССР, Ин-т рукописей им. Х. С. Сулейманова.

Ўз.А

© Издательство ЦК Компартии Узбекистана, 1984.

МУХАММЕД РИЗА АГАХИ

(1809—1874)

Мухаммед Риза Агахи является видным представителем узбекской литературы XIX века. Его творчество, как ученого, талантливого поэта и историка, опытного переводчика занимает особое место в истории узбекской культуры.

Агахи родился в 1809 году в селении Кият близ Хивы. Он воспитывался и получил первоначальное образование у своего дяди — известного поэта Шермухаммеда Муни-са. Учебу Агахи продолжил в медресе. С большой любовью изучал произведения классиков народов Востока — Навои, Физули, Бедия и других.

В 1829 году, после смерти дяди, служившего мирабом у хана, Агахи занимает эту должность. В краю, где земледелие основано на искусственном орошении, должность мираба была довольно сложной и ответственной. Однако Агахи все же находил время и возможности для научных и литературных занятий.

Свои лирические стихи он включает в диван «Талисман влюбленных», который вначале несколько раз переписывался, а затем был издан. Написанные на общественные, воспитательно-дидактические и любовные темы газели, мухаммасы, мусаддасы, рубай, масневи и стихотворения других жанров отличаются высоким художественным уровнем. В них раскрыт богатый внутренний мир поэта, высказаны ненависть к жестокости, деспотизму, фанатизму, любовь к простому труженику.

Во многих произведениях Агахи отражены беды и невзгоды простого народа.

Да обрушится купол презренного неба! Ужели
Мало бед мы от злого вращения его претерпели?
Все навыворот из-за неверного круговорота:
Правдолюб — угнетен, душегуб — пребывает в веселье.
У того, чья природа, как лук, искривилась, согнулась,
Устремленья стрела достигает намеченной цели.
У того же, кто прям, как «алиф», справедлив, прямодушен —
Стан сгибается в «нун», стрелы горя торчат в его теле.

(Перевод Р. Морана).

Поэт проклинает свое время, выражает глубокий протест против существующего произвола.

Острые гнева Агахи направлено на приспешников религии, порицание их фальшивых убеждений. В творчестве поэта очень много метких, лаконичных строк, разоблачающих хитрость, уловки и лицемерие шейхов, их сподвижников:

О кравчий, милость окажи! Меня страдать заставил пост:
И грудь красна не от вина — ее мне окровавил пост!
Смотри: мечом голодных мук он замахнулся на меня;
Ох, поясницу мне сломал, глаза мне продырявил пост.

(Перевод Р. Морана).

Агахи известен как тонкий лирик, талантливый представитель школы Навои. Следуя традициям великого поэта, он мастерски слагал строки, воспевающие высокие человеческие чувства. Однако и в газелях, посвященных любви, он делится своими размышлениями о жизни, судьбах, о людях:

Пируют с тобою... А я без пиров остался,
Один я во мраке моих вечеров остался.
Речей сладкогласных на всех у тебя хватило,
Один только я без приветливых слов остался.

(Перевод Р. Морана).

Агахи — истинный сын народа. Часто бывал среди простых людей, которые делились с ним своими печалью, советовались. Поэт и выступает от имени народа, передает его мысли, чаяния, мечты.

Большая искренность и высокая художественность — вот те качества, которыми в основном характеризуется лирика поэта. Его стихи, насыщенные большим смыслом, отличающиеся мелодичностью, затрагивающие самые нежные и сокровенные чувства души человека, до сих пор с любовью читаются и исполняются народом.

Своими историческими исследованиями Агахи сделал

ценный вклад и в развитие исторической науки Средней Азии. Он продолжил и довел до завершения историческое произведение своего учителя и наставника Муниса Хорезми. Кроме того, Агахи является автором еще пяти самостоятельных произведений о более чем полувековой истории Хорезма.

Эти произведения имеют большое значение в изучении экономической и политической жизни Хорезма, его связей с другими странами, а также в исследовании образа и уклада жизни народов этого края.

Творческая деятельность Агахи не ограничивается только созданием литературных и исторических произведений. Он занимался и переводом на узбекский язык лучших образцов литературы и истории народов Востока. В частности, ему принадлежат переводы «Гулистана» Саади Ширази, «Юсуфа и Зулейхи», «Бахаристана» Абдурахмана Джамии, «Семи красавиц» Низами, а также нескольких философских, воспитательно-дидактических произведений.

Агахи перевел и отдельные исторические трактаты.

Последние годы своей жизни Агахи провел в родном кишлаке Кият, где и умер в 1874 году. Творчество Агахи глубоко изучается. Вышло несколько изданий его произведений на узбекском языке. Лучшие стихи переведены на русский язык.

В настоящий сборник включены новые переводы произведений, взятых из рукописи поэта.

Ф. ГАНИХОДЖАЕВ.

ГАЗЕЛИ

1

Ты болен сердцем от разлук, страданием искалечен,
Но все ж любимых сильнее мук твоя мечта о встрече.

Не блекнет пусть, пока ты жив, твоих надежд свечение,
На свете ты невечен сам, но путь надежды вечен.

Щит защитит тебя от стрел, но нет тебе спасенья,
Когда горением любви ты изнутри отмечен.

Ты первым правилом своим провозгласи терпенье,
Когда иссякло все, и боль твою терзает печень.

Любил Фархад, страдал Меджнун, но что их злоклю-
ченья,
В сравненьи с тем, что в черный час легло тебе на плечи?

Из чаши правды влагу пей, иди путем прозренья,
Путь потакания страстям тернист; не будь беспечен.

Чтоб в мире сем и в мире том ты заслужил прощенье,
Закон смирения усвой, подстать твоим предтечам.

С собой богатства не возьмешь, богатство — пища тленья.
Ты им обременишь свой путь к тому, который вечен.

Уж лучше голодать, чем есть хлеб, что дают с презреньем,
Плоть обуздай свою, когда ее насытить нечем.

В сей мир пришедшие ушли, и ты — не исключенье.
Готовься к дальнему пути, истаивают свечи.

Будь, Агахи, со всеми, кто идет тропой спасенья,
И тех чуждайся, кто двулик, тех, чьи обманные речи.

2

Лучше, встретясь с любимой, познать нестерпимые муки,
Чем терпеть нестерпимые муки от долгой разлуки.

Не Мессия душе возвратит сокрушенную плоть,
А рубины любимой, покорные плечи и руки.

Сердцу нет исцеленья, когда в это сердце стрелу
Направляют любимые брови, как меткие луки.

Чтобы вновь просветлело все то, что сегодня черно,
Милых глаз чернота — нет надежды иной и поруки.

Ночь разлуки длинна, тьму ее не рассеет рассвет,
Если с плеч ты не снимешь свои непосильные выюки.

Ты — безумен, твой ум потрясен от кокетства ее.
Чтоб тебя исцелить, бесполезны людские науки.

Все, что послано ею, ты с радостной песней прими
И страдания эти сочти за обильные туки.

Нет спасенья тебе, ты погиб между милых бровей,
Затянули тебя эти две бессердечных излуки.

Пусть на старых людей будет твой снисходительным
взгляд,
Потому что молитвами дедов спасаются внуки.

Станут черные недра последним приютом тебе,
Не ищи цветников, не беги от недругов и скуки.

Кто услышать бы мог эту песню твою, Агахи,
Если б струн Навои в ней не слышались дальние звуки?

Ангелоликой, ей дано постигнуть смысл ученья,
Привычкой стало для нее уроков повторенье.

Мудрец ей мудрость преподавал и знания открыл,
И вразумил, что жизни суть — познанию служенье.

И отблеск знания огнем ей щеки озарил;
Открыло слово ей свое сокрытое значенье,

Чтоб это все постичь, она не пожалела сил,
И помогли ей мудрецы в искусстве постиженья.

Поставил каждый из людей, кто ей руководил,
В кибитке мудрости ее столб своего сужденья.

И те, кто вдохновил ее, и те, кто вразумил,
Сегодня своего сокрыть не могут восхищенья.

Создатель с помощью наук ее вознаградил,
Так, что готовы мудрецы идти к ней в услуженье.

Для всех людей, кого творец к ученью приобщил,
И этот мир и даже тот — бескрайние владенья.

А тот из смертных, кто во тьме незнанья жизнь прожил,
Ни здесь, ни там не вкусит благ, его судьба — забвенье.

Но не нарушь границ того, что бог определил,
Иначе знание твое — тщета и прегрешенье.

Постичь ты хочешь участь тех, кто жизнь во тьме влачил?
Постигни участь Агахи, чей жребий — ослепленье.

С ней, чьи уста даруют жизнь, мне вышло разлучиться,
Не может плоть моя с тех пор с душой соединиться.

Лица любимой не найдя, лицо я потерял,
Я, как пылинка, чей удел лишь на свету светиться.

Не слыша слов ее, я сам поник и замолчал,
Без сахара и попугай не очень раскричится.

Что мне жасмин, хоть он в моем саду благоухал,
Когда не вижу я своей любви жасминолицей?

Что встреча с ней, коль столь далек любимых губ коралл,
Что рай, где влага в родниках не для меня струится?

И сердце мечется мое, метаться я устал,
Так иногда мечась в пыли, взлететь не может птица.

О кравчий, пожалей меня, без влаги я увял,
Позволь мне к чаше губ прильнуть, шарабом
насладиться.

На свете ныне горячи лишь слезы Агахи,
Не дай, о господи, ему и этого лишиться.

5

Земля весною расцвела и расцвела пустыня,
Все лучшее, все, что могла, нам всем дала пустыня.

Мессия будто снизошел, и даже на чужбине
Повеял нежный ветерок, и к нам не зла пустыня.

Текут ручьи со всех сторон, и дали в райской сини,
Как будто райским уголком вовек была пустыня.

Нам жаждущим веселья быть подобает ныне,
Чтоб чашу щедрюю весны нам налила пустыня.

И ветви сыпят лепестки, все, что горело, стынет,
И не сжигает в эти дни нас всех дотла пустыня.

Дарующая силу нам в безмерной благостыне
На праздник, чтобы песни петь, нас позвала пустыня.

Спешу, мой друг, весна кратка: придет она и схлынет,
И власть ее невелика, хоть велика пустыня.

Весна прекрасна, Агахи, но ты не жди в гордыне,
Чтобы тебя от всех скорбей оберегла пустыня.

6

Влюбился... Ужели души твоей свет не нужен тебе?
Ты ринулся в пламя... Ужель твой скелет не нужен тебе?

С любимой ты плачущих кровью очей неводишь. Ужель
Дар зренья, чтоб видеть зарю и рассвет, не нужен тебе?

К ее нечестивым гяурам-глазам прикован твой взор.
Опомнись! Ужели и веры завет не нужен тебе?

Ты милостыню мне жалеешь подать, царица моя...
Ужель этот нищий — раб горя и бед — не нужен тебе?

Ты всем расточаешь улыбки свои — а этот бедняк,
Что был бы одним твоим взглядом согрет, не нужен тебе?

Потоками скорби разрушен мой дом. Ужели, скажи,
Скиталец, кому и пристанища нет, не нужен тебе?

Скажи, почему ты всегда с Агахи суха, холодна?
Ужель наше время постигший поэт не нужен тебе?

7

Взглянула ль на меня моя надменная луна?
Узнала ли о ране той, что мне нанесена?

Вняла ль страданиям, что терплю от горестей разлук,
Иль, просто пожалев меня, ко мне пришла она?

И солнце ночью поднялось и озарило вдруг
Лачугу бедную, и я воспрянул ото сна.

И слезы высохли мои, все расцвело вокруг,
Такое чудо сотворить могла она одна.

И в грудь мою метнул стрелу бровей любимых лук,
И грудь моя на сто частей была рассечена.

Я малого достиг, но все ж коснулся милых рук
Царицы той, кем красота земли покорена.

Достиг ли цели Агахи, но после стольких мук
Он вьется над своим цветком, хмельной и без вина.

8

Покой мой — глаз твоих улов, которыми пленен,
Я жертва стрел твоих зрачков, которыми пленен.

Упали жемчуга в цене на всех базарах мира
Пред жемчугом твоих зубов, которыми пленен.

Пронзен я луками бровей, и сердце тяжело бьется
В цепях любимых завитков, которыми пленен.

В разлуке стало мне светлей, когда вдруг озарился,
Мой кров виденьем сладких снов, которыми пленен.

Героев твердых, как скала, ты обрекла стенанью
Мелодией своих шагов, которыми пленен.

Когда увидел бы Юсуф тебя хоть на мгновенье,
Он пал бы в прах твоих следов, которыми пленен.

Ты, милая моя, меня из мертвых воскрешаешь
Созвучьем соловьиных слов, которыми пленен.

И люди бедные кругом лишаются рассудка
От щедрости твоих даров, которыми пленен.

Пусть Агахи от той луны претерпевает муки,
Но славить муки он готов, которыми пленен.

9

Твоими, милая, бровями пленен весь мир и я пленен,
Красноречивыми устами пленен весь мир и я пленен.

Твои глаза вершат набег, твои страшат нас грабежи,
Но не твоими ль грабежами пленен весь мир и я пленен.

Весь этот мир обложен данью, велишь ты миру: «Мне
служи!»

Твоим всевластием над нами пленен весь мир и я пленен.

Тобою пленены джигиты и многомудрые мужи,
С пустынями и городами пленен весь мир и я пленен.

Ты мечешь молнии очами и камни словно из пращи,
Но молниями и камнями пленен весь мир и я пленен.

В сердцах и юношей, и старцев сиянье красоты твоей,
Твоими чудными чертами пленен весь мир и я пленен.

Бог милостив к тебе, и этим отлична ты от всех людей,
Благими божьими дарами пленен весь мир и я пленен.

Я, Агахи, истек слезами, шепчу я: «Будь ко мне добрей,
Ты, чьими добрыми словами пленен весь мир и я пленен».

Коварна милая моя, она все льнет к другому,
Другого ждет, спешит, идет, который год — к другому.

Разлуки яд нацедит мне, хоть не по нраву злому,
Шараб свидания нальет и поднесет другому.

Как ныне сердцу не сгореть, несчастному, больному,
Коль сердце ждет ее и ждет, она ж идет к другому.

Шипы невзгод пусть грудь пронзят не соловью лесному,
Пусть сердце раздерут не мне шипы невзгод — другому.

Она мне слово говорит небрежно, как чужому,
И небо милость мне сулит, но отдает другому.

Судьба удачи не дает моей души и дому,
Пусть кравчий мне вина нальет и не нальет другому.

Ты плачешь, Агахи, но жить не можешь по-иному.
Она добра, но не к тому, кто слезы льет, — к другому.

О лунолика, приди, как много дней тому назад,
Разлуки боль в моей груди, рассвет мой превращен
в закат.

Владычица земных красот, упав во прах твоих следов,
Твоими мудрые мужи невольниками стать хотят.

Когда ты в вешнийходишь сад, там тополь, кипарис,
самшит,
Как будто на одной ноге, с почтеньем пред тобой стоят.

Я жажду встречи лишь с тобой, в разлуке жизнь моя
тускла,

Исполнь желание мое и свой обет, который свят.

Но ты не взглянешь на меня, пройдешь и даже не
вздохнешь,

Хоть я тебя, главу склоня, приветствую сто раз подряд.

Так пусть же луч твоей любви хоть на мгновенье озарит
И темень хижины моей, и мой уже заглохший сад.

Я голову отдать готов за то, чтоб ты ко мне пришла
Испить из кубка моего; поверь: мое вино — не яд.

Но брошен я твоей рукой в зиндан разлуки без суда,
На пир свидания с тобой спешит соперник, горд и рад.

Прими ж газель, что сочинил тебе несчастный Агахи,
Который сладость влил в слова, припомнив твой
медовый взгляд.

12

Огонь нутро мое объял, когда я твой увидел лик,
Залить я пламень возжелал, но недоступен твой родник.

Муса в пустыню б не пошел, пошла б Марьям другой
тропой,
Бессильный силу бы обрел, когда б к твоим губам приник.

Увидев твой точеный стан, самшит в смущеньи сам не
свой,
Склонился пред тобой тюльпан, застыл нарцисс и весь
цветник.

Прекрасных пери на земле и гурий в выси неземной
От жгучей зависти к тебе огонь безумия настиг.

На светлый лик твой бросив взгляд, смутится попугай
иной
Покинет благодатный сад, где зреет сахарный тростник.

Я пламенем любви объят; от родинки твоей родной
Сильнее амбры аромат на горе в сердце мне проник
Когда бы я на пир пришел, на пир свидания с тобой,
Былую силу бы обрел я, что уже главой поник.
Мне б чашу Джема, чтоб в тоске вернуть мне облик свой
былой,
Сегодня ж в грязном кабаке с вином кувшин мой невелик.
Все Агахи готов отдать, что есть в душе и за душой,
Чтоб увидеть тебя опять, чтоб ты явилась хоть на миг.

13

О ветер, поскорей возьми и передай посланье,
Избраннице моей скажи про все мои страданья,
О том, что было суждено тьме надо мной сгуститься,
Скажи возлюбленной, чей лик дарует нам сиянье.
Как мотылек, я над свечой готов теперь кружиться,
Ты и об этом Расскажи всем прочим в назиданье.
Скажи, что даже соловья, страдающую птицу,
В печаль повергнуло мое такое состоянье.
Ее увижу, и замру, и разум помутится,
Спроси ее: за грех какой мне это наказанье?
Любимая добра к другим, а предо мной гордится,
Ты ей скажи, как тяжело мое существованье.
В застенке скорби Агахи и день, и ночь томится,
Ты Расскажи ей обо всем, ее коснувшись длани.

Я принял молнии любви прямое попаданье,
Воспламенило небеса огнем мое стенанье.

Лишь искра моего огня всех опалит Джайхунов;
Чем погасить огонь любви — бесплодное гаданье.

Когда огнем моей любви и небо озарилось,
Как дому не сгореть, где я влачу существованье?

В огне безумья я горю, невольно все сжигая,
Не огонь тюльпанов даль объял, но истинное пламя.

Шел пир, и каждый в чашу лил огонь вина искристый,
Но все сердца испепелил огонь моего желанья.

Я верен той, от чьих речей и жемчуга сгорают,
И терпят в ревности своей великие страданья.

От слез глаза мои в крови, я плачу от разлуки,
Наслало небо на меня все эти испытанья.

За муки тяжкие мои, за огонь любви несчастной
На небо, господи, пошли огонь, как наказание!

Быть может, строки Агахи людей заледенили б,
Когда бы не был заключен огонь в их содержаньи.

Если хочешь, чтоб стало отрадой твоей богатство,
Будь сокровищем скромности: есть ли ценней богатство?

Мудрым будь: не кичись серебром и добром несметным,
Ибо гордого делает только глупей богатство.

Яд стяжательства тело и душу твои разрушит,
Если будешь свое сторожить, словно змей, богатство.

Скупость — зло, щедрость — благо: Карун дорожил
казною,

Но не в золоте — в разуме видел Моисей богатство,

О имущие! Будьте вы для бедняков защитой,
Ибо сильными делает вас, богачей, богатство.

Путь познания — спасенье, невежества тьма — гибель,
И невежд не спасает, а губит верней богатство.

Тайну сердца храни, ибо в мире пойдут раздоры,
Коль не будет сокрыто от жадных очей богатство.

В наши дни невозможно без знаний достичь почета,
Ибо люди прозрели, им стало видней богатство.

Агахи, ты покой сохранишь, оставаясь бедным,
Потому что покоя лишает людей богатство.

16

Какое счастье в сад входить, когда прохлада на рассвете,
Какое счастье с милой быть под сенью сада на рассвете.

Как сладко быть среди цветов, их аромат вдыхать,
Ловить, блаженствуя, ее сиянье взгляда на рассвете.

Лишь тот блажен, кому дано любимую обнять,
Из кубка с нею пить вино — вот что отрада на рассвете.

Блаженство — охмелев слегка, друг друга целовать
И понимать: есть только рай и нету ада на рассвете.

И разлучаться опьянев, чтобы сойтись опять
И чувствовать: вино горит, и нет с ним слада на рассвете.

Влюбленные, поверьте мне: чтоб счастье испытать,
Лишь только в нежный сад идти не надо на рассвете.

Но рассудили небеса: такому не бывать,
И ничего для Агахи нет кроме яда на рассвете.

17

Без твоего лица от солнца и луны — какая радость?
В разлуке с пальмою моею от сосны — какая радость?

Тому, кто не успел хоть раз испить с тобой вина свиданья,
От влаги райского ключа в разгар весны — какая
радость?

Когда мне локоны вокруг твоих ланит нельзя увидеть,
Пусть гиацинт кудряв и розы пусть красны — какая
радость?

Тем, кто забыт тобой, кому шербет любви ты пожалела,
От меда с сахаром, что так для всех вкусны, — какая
радость?

Коль сладость щедрости неведома тебе, богач надменный,
Тебе от золотом наполненной мошны — какая радость?

Настанет срок — уйдешь, хоть Феридуном будь, хоть
Искандером:
От всех богатств и царств, от власти и казны — какая
радость?

И если, Агахи, в поэзии твоей нет слов сердечных,
От сборников твоих, что звучных строк полны, — какая
радость?

С солнцеподобного лица сними скорее покрывало,
Пусть я — пылинка на земле, пусть для тебя я значу
мало.

Молю: не закрывай лица, чтоб день не стал темней,
И без того моя душа давно беспомощною стала.

На этом свете мне светло лишь от твоих речей,
И я молю, чтоб речь твоя текла ручьем и не смолкала.

Хоть мне от взгляда твоего становится больней,
Я не прошу: закрой лицо, чтоб взглядом сердце не
пронзало.

Не вырвать сердца своего мне из твоих сетей,
Давно влюбленное, оно былую гордость потеряло.

И если роза не верна, замолкни, соловей,
Чтобы неверная твоей печальной песни не слыхала.

Слагает песню Агахи для любящих людей,
Носите в ладанках своих, чтоб от несчастий сберегала.

Руина ветхая, труха — таков дворец вселенной:
Кто думает ужиться в нем — безумец несомненно.

Какое странное жилье: землей покрыта кровля,
И пыль опасности летит, и расшатались стены,

Мечи коварства обнажив, злой умысел скрывая,
Подвохи вокруг его жильцов толпятся неизменно.

А свечи, что по вечерам должны светиться ярко,
Треща в расплавленном жиру, чадят обыкновенно.

И все-таки на их огонь, на пламя наслаждений,
Душа, как бабочка, летит, сгорая в нем мгновенно,

Как птица, вьет душа гнездо, не зная, что и зёрна,
И влага — состоят из слез печали сокровенной.

Едва познавши верность, к ней охлаждаются люди:
Страдания заставляют их меняться постепенно.

Я называю мудрецом того, кто ухитрился
Покинуть этот дом, дабы вкусить покой блаженный.

Счастливица ищешь, Агахи? Такого нет на свете.
Спокон веков был этот мир скорбей юдолью бренной.

20

Моя мечта — услышать речь, что с уст твоих струится,
Я рад, когда могу твоей улыбкой насладиться.

От бедствий бедного меня ты в черный день спасаешь
Великой доброты своей лишь малою частицей.

Нам звезды указуют путь, быть может, ты придешь,
Увидев, как моя слеза звездой в ночи лучится.

Мое спасенье песни петь. Но всем цена им — грош,
Когда в них нет хвалы тому, чьей волей все творится.

Лишь мысль о родинке твоей меня бросает в дрожь,
Вдыхает свет в мои глаза и жизнь в мои ресницы,

Соперник мой велеречив, его признанья — ложь,
Коварной благодатью своей он над тобой глумится.

К суфи за правдой не ходи, там правды не найдешь,
Надменен он, ибо своей безгрешностью гордится.

Богатства, как ты не моли, мольбой не обретешь,
Трудиться, чтоб в достатке жить, вернее, чем молиться.

Растить на нивах наших хлеб — нелегкий труд, ну что ж;
От райских нив на землю нам принесена пшеница.

Я верю: радость и беду достойно ты снесешь,
Чтобы за промахи свои на небо не гневиться.

И если где-то, Агахи, ты милость обретешь,
Не будь беспечен: может быть, коварство в ней таится.

21

Наш мир — питейный дом, и ведомо давно,
Здесь кровь людей течет, что красное вино.

Кто в мир пришел испить из чаши наслажденья,
Тот яд из чаши пьет, здесь так заведено.

Но даже если пить вино успокоенья,
Напрасный страх идет вослед нам все равно.

За опьяненьем к нам приходит отрезвление,
Недуги нам познать и беды суждено.

И, словно молния, в единое мгновенье
Начало и конец сливаются в одно.

И тот, кто власть обрел, постигнет в миг прозренья:
К чему стремился он, увы, отдалено.

Ведь даже Искандер не мог избежать тленья,
Бахрама сотни бед настигли все равно.

Чтоб принимать судьбы неверное вращенье,
Как дар благой небес, терпенье нам дано.

О Агахи, уйди в пустыню, в край забвенья,
И с радостью прими все, что предрешено.

22

Я с месяцем сравню твой лик, что светит не всегда,
С шербою сладким речь твою сравню я без труда.

А может быть, твое лицо похоже на цветок,
Тот, что в саду Ирема цвел и принесен сюда.

Твой светлый облик — райский сад, а мудрые слова
Со свежей влагою сравню, прохладной ото льда.

Над верхнею губой пушок с пророком Хызром схож,
Под тем пушком рубины губ, как Хызрова вода.

Но завиток на лбу твоём коварен, ибо он —
В кольцо свернувшийся дракон, что рушит города.

Над бровью родинка твоя, как над Каабой свет,
Бровь каждую твою сравню с луной, что молода.

Как солнце лик твой, но разят людей твои глаза,
Как два гяура, и от них нам, праведным, беда.

Твои ресницы, как ножи в гяурских их руках,
Кровавая потребна им от правоверных мзда.

Пой, Агахи, пусть песнь твоя всем будет по душе,
Пусть будут не слова в строке — жемчужин череда.

23

Сказал я милой: «От любви душа моя больна!»
Она в ответ: «Лечение есть — мой выпить мед до дна!»

Сказал я: «Сердце от любви стenanья исторгает!»
Она в ответ: «Ты — пленник мой, я над тобой вольна!»

Сказал я милой: «Жаркий луч мне душу озаряет»,
«То мыслью обо мне твоя душа озарена».

Сказал я: «Храм души твоя десница разоряет»,
«Душа твоя — мое добро», — ответила она.

Сказал я: «Снилось, я летел, что сон мой означает?»
«Жар от того, что я близка — истолкованье сна».

Сказал: «Свиданием меня ты почему не награждаешь?»
«Ты жалок, — мне она в ответ, — и речь твоя скучна!»

«Даруй мне поцелуй, зачем ты губы закрываешь?»
«О поцелуе лишь мечта влюбленным суждена!»

«О роза милая, от нас, влюбленных, ты страдаешь!»
«Как роза всякая, и я в шипы заключена!»

«Но все ж порою Агахи ты лаской одаряешь?»
«Я верность давнюю его вознаградить должна!»

24

Ни от звезды, ни от луны не видеть мне свеченья.
Покуда не откроешь ты свой лик хоть на мгновенье.

Лицо скрывая от меня, любимая дичится,
Дарит кому-то жаркий взгляд, а мне огонь презренья.

В разлуке с ней я не гляжу ни на какие лица,
Ибо не всякое лицо дарует утешенье.

В печали от разлуки с той, чей нежный лик лучится,
Как лист, я пожелтел лицом, меня коснулось тленье.

Лишь милые глаза ее, с кем солнце не сравнится,
Способны путь мой осветить и мне явить спасенье.

А если этого лица увидеть не случится,
А занедужу так, что мне не будет исцеленья.

Любовь и более ничто со мною в бой не мчится,
Но с войском скорби и разлук вступаю я в сражение.

В пучине моря в глубине жемчужина таятся,
Но не бросайся в бездну волн без должного умения.

Решилась перед Агахи любимая открыться,
И в небе вдруг звезда зажглась, даря ему прозрение.

25

Одной тобою все, что юны и стройны,
Увлечены, увлечены, увлечены.

Так сжался надо мной: ведь нет перед тобою
Моей вины, моей вины, моей вины.

Найди в душе слова, которые любовью
Порождены, порождены, порождены.

Средь любящих возвысь меня, хоть мы с тобою
И не равны, и не равны, и не равны.

Обереги меня от тех, что с нами рядом
Быть не должны, быть не должны, быть не должны,

Поверь, подобно мне нет верных среди многих,
Что влюблены, что влюблены, что влюблены.

Так почему ж я боль терплю от взглядов милых,
Что холодны, что холодны, что холодны?

Любовью все мои владения терпенья,
Сотрясены, сотрясены, сотрясены.

Различия теперь меж днями и ночами,
Мне не видны, мне не видны, мне не видны.

А ты сложи, певец, песнь о моей печали,
Коснись струны, коснись струны, коснись струны!

Пусть знают: Агахи красавицы иные
И не нужны, и не нужны, и не нужны!

26

Горе лишенному сладостных радостей сада!
Даже весне его бедное сердце не радо.

Горе тому, кто весной цветником не владеет:
Он словно дерево после поры листопада.

Сердце — светильник, в котором все масло иссякло,
Если в саду не дана ему хмеля услада.

Дом без цветущего сада весной безобразен:
Мог бы он раем сиять — стал подобием ада.

Плохо встречаться весной не в саду, а под крышей:
Холодом веет тогда от желанного взгляда.

Нет обитаемых мест, где сады не росли бы,
Только тебе недоступна такая отрада.

С тощим карманом тебя в круг людей не пускают,
Ну, а без сада туда и соваться не надо!

Загнан в колючки бедняк-соловей, а вороны
Сад бытия разоряют, не зная пощады.

В хижине жалкой скорбит Агахи. Разве можно
Сердце от ран уберечь без достойного сада?

Не раскрывайся пред глупцом, ему вверяя слово:
Не человек он, лишь поймет душа людская слово.

Оно алмаз в сердцах людей, и неразумной твари
Не должен ты его дарить, зря унижая слово.

Как знать скотине, что в жмыхе и сене вкус находит,
Какая это у людей вещь дорогая — слово?!

Чтобы тупица понял речь — и красноречья мало,
Напрасно кровью изойдешь, в крови купая слово.

Как невозможно звуком слов влиять на наковальню,
Так и для каменных сердец игра пустая — слово.

Не расточай своих речей скупцу и скопидому,
Со щедрым в разговор вступай, сказать желая слово.

Не трать и слов на дурака: себе цены не зная,
Не может он, конечно, знать, цена какая слову.

Не может пользы он извлечь из рассуждений умных,
И только навредит себе, перевирая слово.

Ты и завистника минуй: возможно ль человеку
Шайтана переубедить, лишь повторяя слово?

Над словом сжался: не толкуй ты с неучем бесстыжим,
Ведь с отвращеньем от него сбежит, стеною, слово!

Что ты ни скажешь, Агахи, — невежда не услышит,
Пусть даже в ухо затрубит сильней карная слово.

Не вы ли — тонкий кипарис, под чьей неверной тенью
Покою сердцем не обрел, я не обрел забвенья?

Гордятся те, кто добротой владычицы отмечен,
Не вы ль — царица красоты на троне наслажденья?

Иных ваш исцеляет взгляд, а в нас он стрелы мечет,
Не потому ль от многих ран нам нету исцеленья?

Не вы ль в унынье ввергли нас, и нас утешить нечем,
В зрачках влюбленных наших глаз не ваше ль
отраженье?

Стенаем мы, ибо печаль ложится нам на плечи,
Не вы ли — истинный творец всех наших злоключений?

Не вы ль, в чьей воле одарять разлукой нас и встречей,
Кому-то дарите любовь, а нам лишь притесненье.

Вы милость дарите другим, а нас утешить нечем,
Не вы ль даете щедро нам лишь горести в даренье?

Не вы ли ввергли нас в печаль; не вами ль путь расцвечен
Других, кому дарите вы свое расположение?

Ужель вам не дано понять, что Агахи не вечен,
Что он уже устал страдать от своего горенья?

29

Увидевший ее вовек луну на небесах не вспомнит,
Вкусивший мед сладчайших губ о райских родниках не
вспомнит.

Всяк, распластавшийся в пыли у запертых дверей,
Ни о подушках во дворцах, ни о пуховиках не вспомнит,

Ее прекрасное лицо увидит соловей,
И ни о розе дорогой, ни об иных цветах не вспомнит.

И благосклонна только к тем, кто обладает всем,
Она меня, что сам себя давно поверг во прах, не вспомнит.

Что толку, коль со щек моих спадает жемчуг слез,
Когда она о жемчугах, о дорогих камнях не вспомнит.

Когда и до царя дойдет прах от ее подошв,
Он ни о подданных своих, ни о своих дворцах не
вспомнит.

Она пирует, пьет вино с соперником моим,
Она, надменная, меня, погрязшего в грехах, не вспомнит.

Хотя когда-то много раз мне в верности клялась,
Но столь забывчива она, что о своих словах не вспомнит.

Что толку, Агахи, стенать, в огне любви стогреть,
Как ни моли, ни плачь, тебя она в своих мечтах не
вспомнит.

30

От меда милых губ и прочих райских благ
Я откажусь навек, чтоб не попасть впросак.

Довольно жаждать мне заветного свиданья,
Глядеть на стройный стан, ловить неверный знак.

Довольно говорить о розах и гранатах,
О свете глаз ее, где скрыт обмана мрак.

Зачем свиданье мне с красавицами мира,
Коль встретиться с одной, с ней не могу никак?

Не солнце на главу пусть мне венец возложит,
Потопчет пусть меня та, чей нелегок шаг.

Я рая не ищу, объятий райских гурий,
Ищу объятий той, кому я ныне враг.

И Хызрову питью осадок бочки винной,
Что поднесет она, я предпочту, чудака.

Влюбленный Агахи готов у милой в доме
Из грязной миски пить, что держат для собак.

31

Стал мне в ночь уединенья мастер пеня близким другом,
Так вино для пьяниц стало в опьяненьи близким другом.

Поднеси мне чашу, пери, — этот милый виночерпий
Мне готов быть тем, кто дарит наслаждение — близким
другом.

Может, я повеселею, ведь одна из луноликих
Хочет стать мне, обещая обновление, близким другом.

Прямодушной чаровнице хочется дружить со мною —
Я мечты своей достигну исполненья с близким другом.

В правилах великодушья быть тому опорой верной,
Стало для кого сиротство и томленье близким другом.

Агахи того же рода, что Мунис — почтенным людям
Быть он может, заслужившим уваженье, близким другом.

32

Все, что ни есть в саду, встревожила весна,
Все ждет тебя, лишась терпения и сна.

От ревности к тебе грудь разрывает роза,
Изранена, стоит ревнивая она.

И голый кипарис дрожит под ветром ныне,
Печален оттого, что зрит, как ты стройна.

Спит гиацинт, во сне твои он видит кудри;
Что он влюблен в тебя, в том не его вина.

Любуется нарцисс сегодня не собою,
Он понял, что не он — красива ты одна.

Подснежник ждет тебя, свои он листья стелит
На влажную тропу, где ты ступить должна.

Тоскуя о тебе, стеная дни и ночи,
Печален соловей и горлинка больна.

И ты не тяготись, в саду весеннем мною
И роза от шипа сокрыться не вольна.

Когда ты с Агахи, увидеть он способен,
Что в цветнике весна, что в небесах луна.

33

Не надо преданности ждать, любви избранниц ждать не
надо,

Во имя верности себя невзгодам обрекать не надо.

Хоть станут лаской обольщать и счастье обещать,
Надеяться, что пери нас не будут угнетать, не надо.

Хоть жизнь свою отдашь за них, что сможешь доказать?
Не надо лживым доверять, им жизни отдавать не надо.

Для них привычно мучить нас, страданья причинять,
Ты милости от них не жди, об этом и мечтать не надо.

От слов-мечей, от стрел-ресниц нам суждено страдать,
На влажные рубины губ влюбленным притязать не надо.

Что от неверной дружбы их нам, легковерным, ждать,
От бед их должно защищать, но дружбой одарять не надо.

Мечтая к милой все ж придти и нежный стан обнять,
Подобно луку, самому свой стан тебе сгибать не надо.

Тебе, хоть в небо воспаришь, быть на земле опять,
Кичиться тем, чего достиг, и слабых попирать не надо.

Когда случится Агахи свои стихи читать
Среди достойнейших мужей, надменность проявлять не
надо.

34

Чтоб мне твое лицо увидеть, препятствует твой завиток,
Так сторожат драконы клады, чтоб подойти никто не мог.

Пусть твоего лица не видит соперник, светом ослеплен,
Подобно упырю, что слепнет, когда зардеется восток.

Меня увидев, ты смолкаешь и вдаль глядишь, а я смущен.
Стыдливость ли тому причина, иль гнев я на себя навлек?

Пройди же мимо по дороге, быть может, пыль твоих
шагов

Опухших глаз моих коснется, уймется слез моих поток.

Я вновь обрел бы уважение тех, кто покарать меня готов,
Когда в пыли мне распластаться ты у своих дозволишь
ног.

Ты не сама ли обещала придти под мой убогий кров,
Так что стряслось, что помешало, скажи, что стало
поперек?

В пути к тебе всему преграда — соперник, он на все готов,
Ему и самому преградой пусть будет всех судящий бог.

Не быть тобою посрамленным — иных не надо мне даров,
Страшись аллаха, чтоб гордыню твою не счел он за
порок.

Ведь как бы ни был я виновен, бог милосерд, хоть и суров;
Что пред его великодушьем моих ошибок волосок?

Когда не от души моления, молясь не трать напрасных
слов,
Ибо для достиженья цели от ложных уст велик ли прок?

Я, Агахи, клонюсь все боле к молитвам, к благодсти постов,
Не дай мне, господи, соблазна, чтоб не нарушил я зарок!

35

Ты хмуришь лоб — для сердца эти складки жгутов
душной,
А кольца локонов сдавили горло души моей.

О пери, не гони белоголовых в вечерний час!
Не будут ли седины в лунном блеске тебе милей?

Ты всем побегам ярости и гнева даешь расти;
Смягчись, ростки добра и состраданья в душе лелей.

О сделай полноводной реку жизни, не поскупись:
Ты на нее поток благодетний своих излей!

Кто, как скотина, темен и прожорлив, сонлив и туп, —
Тот в наше время на почетном месте среди людей.

Невежество своею славой сделай и ремеслом,
Когда в мехах ты хочешь встретить холод морозных дней.

У нищего один дирхем увидев, богач дрожит:
Казной владея, этот грош он хочет отнять скорей.

Один богач и ста миров дарами не будет сыт,
Так что ж бедняк получит из сокровищ вселенной всей?

Зачем же Агахи служить мирабом, владеть водой,
Раз у него доселе нет и пяди земли своей?!

О похитительница душ, принесшая душе смятенье,
Я средь влюбленных, может быть, один не знаю утешенья.

Бывает, даже в цветнике какой-нибудь цветок
Сам раздирает грудь свою, не пережив любви томленья.

Ни солнце в небе, ни луна в тебя не влюблены,
Так почему же им дано свершать вокруг тебя вращенье?

Ты столь стройна и хороша, что избежал любви
Лишь тот из смертных, кто сумел от камня перенять
терпенье.

От губ твоих исходит мед, хоть и целебен мед,
Напрасно любящий тебя надеется на исцеленье.

Чем больше мучишь ты меня, тем я люблю сильнее,
Лишь множится моя любовь на горести и притесненья,

Роптать влюбленным не к лицу, и мне благословлять
Все испытания мои: за них я возношу моленья.

Заставишь ли меня страдать, свиданьем наградишь,
Коварству ль милости твоей — всему мое благословенье.

Ибо постигнул Агахи: тот лжет, что он влюблен,
Кто сетует на боль свою, на горести и злосюченья.

Что может мир поджечь? На вздохов дым багряный
взгляни.

Откуда тот огонь? На милой лик румяный
взгляни.

Не запрещай стенать, когда я бьюсь, как голубь
в сетях, —

На шествующее подобие платана взгляни.

Видал ли ты, как ртуть по бледному шафрану бежит?
На капли слез моих, текущих непрестанно, взгляни.

Не укоряй за то, что корчусь я, как волос в огне:
Разлука жжет меня; какая в сердце рана, взгляни.

Коль налетит тайфун и берег валом горя зальет,
Ты на глаза мои — исток беды неожиданной, взгляни.
Тебе смешно, что к ней паломничает только мой дух?
На плоть мою — на прах, лежащий бездыханно, —
взгляни.

Не спрашивай, зачем я стал ее жалчайшим рабом, —
О друг, на моего бездушного султана взгляни!

Везет ли Агахи в любви, совсем нетрудно узнать:
На боль таящий стих из этого дивана взгляни.

38

Высок красы твоей чертог, да будешь ты благословенна,
Хоть от меня твой свет далек, да будешь ты
благословенна!

В саду изящества, где ты свет источаешь вдохновенно,
Ты — самый молодой цветок, да будешь ты
благословенна!

Твои две брови, две луны, исполнены столь совершенно,
Что кажется: чертил их бог, да будешь ты благословенна!

Твой стан, что саженец в саду; так пусть все будет
неизменно,
Продлит аллах цветенья срок; да будешь ты
благословенна!

Сияет златом твой наряд, все то, что на тебе, бесценно:
Чапан, и пояс, и платок, да будешь ты благословенна!

Мне ведомо: соперник мой к тебе приходит дерзновенно,
Знай, он безбожен и жесток, да будешь ты благословенна.

Твоя любовь ко мне чиста, хотя, быть может, и мгновенна,
Молю, чтоб бог тебе помог; да будешь ты благословенна!

Ты говоришь мне: «О мой раб!» и я, как раб, готов
блаженно
Уткнуться в пыль у милых ног; да будешь ты
благословенна.

Пусть счастье бог тебе пошлет — о том молюсь я
ночеденно,

Пусть сам останусь одинок; да будешь ты благословенна!

Пусть испытанья ждут меня, я все стерплю, приму
смиренно,

Ибо смирение — не порок; да будешь ты благословенна!

Пусть грешен я и не прощен, и пусть мой кров и жизнь
презренна,

Сам гнев я на себя навлек; да будешь ты благословенна!

Цель Агахи — одной тебе служить коленопреклоненно —
Такой себе я дал зарок, да будешь ты благословенна!

39

Ты поглядела на меня и ввергла сердце в пламень ада,
Движение твоих бровей мне влило в душу горечь яда.

Пробьет мой час, и от меня останется лишь прах,
Жеманность жжет меня твоя, бессилен я; нет с нею слада.

Свободным мне уже не быть, ибо в твоих сетях
Стенать мне до скончанья дней, но этот плен — моя
улада.

Сгорела жизнь моя дотла, растаял даже дым,
Лишь пламень гнева твоего — за преданность мою
награда.

Ты время горестей моих зовешь благой весной,
Но если такова весна, что будет в пору листопада?

Страдания претерпевать — вот ремесло мое,
Друзья хотят меня спасти, я говорю: «Спасать не надо!»

Я так обильно слезы лью, что все zalьет потоп,
И может даже смерть моя не будет для него преграда.
Что для друзей твой добрый взгляд, почти что ничего,
Меж тем для счастья Агахи лишь этого довольно взгляда.

40

Пост отнял волю у меня, и не оставил сил,
И жаль — терпением меня аллах не наградил.

Пост мне сознание замутил, мой разум свел на нет,
Зажал меня в свои тиски и жизнь укоротил.

Тьмой безнадежности сплошной застлал весь божий свет,
В пыли распластанному мне весь белый свет не мил.

И голову отяжелил на жалобы в ответ,
И тело бедное мое на немощь осудил.

Заставил плоть мою страдать и, взяв с меня обет,
Мою былую гордость сжег, спокойствия лишил.

На холод выгнал он меня, а я почти раздет,
Ибо разграбил он добро, мой дом опустошил.

Во сне вино передо мной, передо мной шербет,
Пост сделал немощной и ту, кого я полюбил.

Будь добр, о кравчий молодой, спаси меня от бед:
С вином мне чашу поднеси, чтоб я ее испил.

Воздержанность моя ушла, померкнул даже след,
Ты, виночерпий молодой, хоть чаю мне б налил.

Простите Агахи за стих, что неискусно спет,
Пост отнял волю у меня и не оставил сил.

41

Ей о тоске моей, друзья, о непомерной расскажите,
О том, что к ней иду путем, где много терний, расскажите!

Пусть, жалость проявив, сама она придет ко мне,
Друзья, ей о моей любви, о беспримерной расскажите.

Мечтая видеть милый взгляд, не сплю я в тишине,
О том, что любящий ее умрет, наверно — расскажите.

Нет больше сил, чтобы терпеть; вы ей, моей луне,
О немощи моей души — болезни скверной, расскажите.

Я ранен стрелами ресниц, что вижу лишь во сне,
О том мучительнице, ей, моей неверной, расскажите!

О том, что к казни я готов, что каюсь я в вине,
Ей, крови жаждущей моей, немилосердной, расскажите.

Пускай придет, чтоб Агахи казнить или простить,
О тяжких горестях моих ей непременно расскажите.

42

Я непосильным изнурен постом,
Им обессилен я, я слаб и хром.

Свет глаз поблек, и взгляд мой притупился,
И час от часу блекну я лицом.

Подобно чангу, стан мой искривился,
Передвигаю ноги я с трудом.

Бросает камни пост, чтобы разбился
Сосуд блаженства мой — кувшин с вином.

Настолько слух былой мой притупился,
Что кажется: безмолвие кругом.

От голода мой разум помутился,
Отяжелел язык, сижу молчком.

Мне, словно анаши я накурился,
Век не поднять, не вспомнить ни о чем.

Я имя потерял, хоть им гордился,
И тех не узнаю, с кем был знаком.

Утратил честь, забыл, чего стыдился,
Не помню, где он есть, мой отчий дом?

Но, честно говоря, я опустился
Давно, и пост виновен не во всем.

Зря, Агахи, на пост ты ополчился,
Повинна старость в бедствии твоём.

43

В свою расчесанную прядь вплела любимая цветок,
А, может, лик ее — свеча, а тот цветок — лишь мотылек?

Горит он в волосах ее, рождая удивленье:
Как, прикоснувшись к милой, он не потерять рассудка
мог?

Я знаю: жжет его огонь, и от прикосновенья
Соцветья алые горят и стебель с головы до ног.

От созерцания тебя познал он опьяненье,
Но краток опьяненья час, срок отрезвленья недалек.

И весь наш мир, как тот цветок, сгорает от томленья,
Моей любимой красота — томленья этого исток.

Порой блаженства дорожи, не упусти мгновенья,
Не вечна песня соловья, недлителен цветенья срок.

Не думай, что в саду росой окраплены растения,
То слезы горько льет цветок, когда он слаб и одинок.

Цветка любимой не дари: ты жалок с ним в сравненьи,
Смотри, чтоб твой соперник, он твоих дорог не пересек.

Не жди любимой, Агахи, в свое уединенье,
Ибо для птицы небо — дом, а не укромный уголок.

44

О красавица, не время ль в степь весеннюю пойти?
Ты цветами полевыми полюбуйся по пути.

Ничего, что потускнели у затворницы глаза —
Это зеркало прогулка отшлифует, не грусти.

Ты проходишь — и тюльпаны распускаются быстрее,
В райский сад — яви нам чудо! — даль степную
преврати.

Соловей теряет голос, если рядом нет тебя, —
Покажись ему, чтоб мог он петь в блаженном забытьи.

Видишь, как мечом разлуки изувечен весь цветник?
Ты пролей бальзам свиданья, чтоб тела цветов спасти.

По устам твоим тоскуя, сжались нежных роз сердца,
Пусть раскроются бутоны — всех улыбкой освети!

Меркнут очи у нарциссов, ждущих взгляда твоего:
Ты взгляни, хотя бы мельком, дай им зренье обрести.

Чтоб растрепанные мысли гиацинт сумел собрать,
Ты свои тугие косы поискусней заплети.

Ты сосне и кипарису покажи свой гибкий стан
И, внушив им страх и ревность, их гордыню укроти.

Посиди порой в прохладе, выпей сладкого вина,
Прежде чем степной тропинкой вновь неспешно побрести.

Агахи возьми с собою — это будет означать,
Что из всех влюбленных мира у тебя лишь он в чести.

45

Лицо любимой от вина огнем горит, о соловей,
Настало время, песнь твоя ее пьянит, о соловей?

И если сладкий голос твой нам всем дарует благодать,
Нет в этом чуда: пир идет, вино бурлит, о соловей!

Пусть виночерпий нам нальет, чтоб нам хоть в этот миг
считать:

На белом свете горя нет и нет обид, о соловей.

И только тот, кто опьянен, все может горести поправить,
Цветок для пьющего — кинжал, а ветка щит, о соловей!

Нам должно дружбой дорожить, что минет, не придет
опять,

Мы все уйдем, и ты уйдешь, сад облетит, о соловей.

Здесь, что ни птица, то певец, и нам приятно сознавать,
Что лучше пенья твоего наш хор звучит, о соловей!

И если пьяный Агахи поет, зачем ему мешать?

С ним милая, чье от вина лицо горит, о соловей!

46

С тех пор, как бедный тот цветок увидел твой горящий
взгляд,

Страдая, ворот разрывал он сто иль двести раз подряд.

Весна; он возвратился в сад, где не был много, много дней,
С тех самых пор, как пережил былой разлуки листопад.

Ты приглядишься: на стебельке горят не лепестки его,
Несчастный, раною сплошной он стал от головы до пят.

Ты тень свою на тот цветок, хоть невзначай, но урони,
Чтоб бедному ему не стал не мил его родимый сад.

Свой даже малый лепесток готов он превратить в уста,
Он каждым из этих уст твоей стопы коснуться рад.

Цветок счастливее меня: он все ж твоих коснулся стоп,
А мне, влюбленному в тебя, припасть к твоим стопам
навряд.

Я тоже ворот разорву, ибо не в силах ждать, когда
В саду свидания с тобой с деревьев листья облетят.

Мне кажется, что небо—сад, а звезды в том саду — цветы,
И эти звезды с высоты лишь на тебя одну глядят.

Цветок — соперник Агахи, мне соболеznовать готов,
Ибо я тщетно встречи жду, что возжеленней всех наград.

47

Цветок в саду, я, твой увидев лик, себе представил,
Увидел губы — сахарный тростник себе представил.

Когда твои глаза увидел я, то в темном небе
Звезду, рожденную лишь в этот миг, себе представил.

Пушок увидел на твоей губе, и почему-то
Скрижаль Муссы и Хызровый родник себе представил.

И в час, когда случилось мне твои слова услышать,
Я жемчуга, к которым не привык, себе представил.

Я в миг, когда увидел жемчуг твой, твои рубины,
На небе месяца и солнца стык себе представил.

Увидел я, насколько лучше ты всех райских гурий,
И я тебя превыше всех владык себе представил.

В тот миг, когда на троне красоты тебя увидел,
Я Искандера, что был столь велик, себе представил.

Я, преклоненно пред тобой во прах упав сегодня,
Не пыль у ног твоих, а пуховик, — себе представил.

Когда ее сравнил ты, Агахи, с луной и солнцем,
Себя ты слишком мудрым, о шутник, себе представил.

48

Пируют с тобою... А я без пиров остался,
Один я во мраке моих вечеров остался.

Речей сладкогласных на всех у тебя хватило,
Один только я без приветливых слов остался.

Хвалебные гимны в твоём цветнике слагают,
Я плачу в темнице, во власти оков остался.

Влюбленным в тебя — всем доступно вино свиданья,
А мне яд забвенья на веки веков остался.

Любовь твоя школою жизни была для многих,
А я недоучкой среди мастеров остался.

С удачею брачный у них договор подписан,
А я — не попавшим в число женихов остался.

Ко всем ты добра, кто искал твоего вниманья,
А мой, о царица, без отзыва зов остался.

Достались всем горы зерна с твоего хирмана,
Мне — ворох соломы от щедрых даров остался.

Дворцы с твоей помощью строят, а я не в силах
Лачугу сложить — без дворца бедняком остался.

Всех благоустроила милость твоя, о зодчий,
А мне только жалкой развалины кров остался.

Смирись, Агахи, с тем, что старость проходит в горе.
Что делать, когда ты рабом средь рабов остался?

49

Друзья, сейчас я видел ту, что снится мне всегда,
Она, чей стан, что кипарис, стройна и молода.

Она, кого в счастливый час великий создал бог,
Сияет, словно солнце днем, иль в час ночной звезда.

В саду изящества земном лицо ее — цветок,
След доброты в ее глазах, иного нет следа.

Жемчужины — глаза ее, ее уста — исток
Таких потоков, где чиста целебная вода.

Ее красое поражен, я двинуться не мог:
Мне показалось, что пришел день страшного суда.

Она приветлива ко всем, входящим на порог
Обители, где неземной нам кажется еда.

С душой сравним и тонкий стан, и тонкий поясок,
На этом пояске кинжал, и он — моя беда.

Настолько тонок вкус ее, настолько ум — глубок,
Чтоб все, что на душе моей, постигнуть без труда.

Красавиц много видел я, сто исходил дорог,
Но чаровниц, подобных ей, не видел никогда.

Своей любовью на себя я сам беду навлек,
За страсть и за любовь мою нетерпеливость — мзда.

Ее увидев, Агахи ослаб и занемог,
Теперь ему в могилу путь и боле никуда.

Мое желанье, — видит бог — над головой твоей
кружиться.

У милых опуститься ног, вокруг ресниц-бровей
кружиться,

Вот ты пришла, чтобы спросить, как мне живется, что мне
снится?

С тобою старому рабу мне с каждым днем трудней
кружиться.

Хоть ты ушла, но голос твой мне будет слышаться
и мниться,

И будет жемчуг надо мной твоих благих речей
кружиться.

И даже если ты ко мне с соперником решишь явиться,
Согласен и вокруг него я на виду людей кружиться,

Упали кудри на лицо, ты вдаль глядишь румянолица,
Нет у меня мечты другой, как вокруг твоих кудрей
кружиться.

Собакой верною меня ты называешь, чаровница,
Что ж, как собака, вокруг тебя я стану веселей кружиться.

Господней созданный рукой твой облик манит и лучится,
Мне суждено перед тобой, что в мире всех милей,
кружиться.

Есть что-то явное в тебе, и что-то скрытое таится,
Что явно, тайно — вокруг всего я буду все быстрее
кружиться.

Пришла ты, сжалась надо мной, и поняла, моя царица:
Мне, Агахи, вокруг тебя вплоть до скончанья дней
кружиться.

Чтоб слез не лил я, нету сил, кого любил, того лишился.
Кому недавно был я мил, кого любил, того лишился.

Была весна, я песни пел, я счастлив был, да все пропало,
И листопад наш наступил, кого любил, того лишился.

Тяжел над нами неба свод, он досаждаёт нам немало,
Он в сердце мне стрелу пустил: кого любил, того
лишился.

Кто боль мою мне облегчит, что непосильной ныне стала?
Той, кто печаль мою делил, кого любил, того лишился.

Смятенье велико мое, согбённый я иду устало,
Ловца, что дичь мне приносил, кого любил, того лишился.

Мое достоинство в цене на торжище людском упало,
Кто ранее меня ценил, кого любил, того лишился.

Я ослабел и приуныл, хоть многосильным слыл бывало,
Того, кто силы мне дарил, кого любил, того лишился.

Узнают все, что я тайл, что было тайным изначала,
Кто тайное мое хранил, кого любил, того лишился.

Оставьте Агахи в ночи несчастья, что его подмяло,
Кому он был недавно мил, кого любил, того лишился.

Да обрушится купол презренного неба! Ужели
Мало бед мы от злого вращенья его претерпели?

Все навыворот из-за неверного круговорота:
Правдолюб — угнетен, душегуб — пребывает в веселье.

У того, чья природа, как лук, искривилась, согнулась,
Устремленья стрела достигает наметченной цели.

У того же, кто прям, как «алиф», справедлив,
 прямодушен —
 Стан сгибается в «нун», стрелы горя торчат в его теле.
 Скопидом, что ограбил народ, уподоблен Каруну,
 В чьих несчетных ларях все сокровища мира блестили,
 А владеющий щедрой душою — в нужде прозябает,
 От бесчисленных горестей щеки его пожелтели.
 Тот, чья речь непристойная брань — во дворцах обитает,
 На высоких айванах он нежится в мягкой постели.
 А тому, кто в раздумье творит благородные строки,
 Суждено на соломе валяться в разрушенной келье.
 Тот, кто грабит народ, раздувая в нем зависть и злобу,
 С каждым часом и днем богатеет, жиреет в безделье...
 А вдыхающий жизнь в мертвецов оживляющим словом
 В нищете умирает — печали его одолели.
 Агахи, устремляйся скорее к обителю бренных,
 Чтоб уйти от скорбей, что тебя угнетают доселе.

53

Об унижении своем, о том, что мир жесток, я плачу.
 О том, что горестей моих неудержим поток, я плачу.
 Друзей не стало, и один остался я в углу забытом,
 О том, что птицей трепещу, заманенной в силок, я плачу.
 Оглядываюсь я вокруг — ни в ком не нахожу опоры.
 О том, что сердце мне дотла печали пламень сжег,
 я плачу.
 В моей каморке тьма, и в скорбь я с головою окунулся.
 О том, что должен плакать я, своей судьбе в упрек,
 я плачу.

На темном лике лет моих трудов и мук увидев меты,
Прохожий отвращает взор... Презрен и одинок, я плачу.

Мой вид ужасен, словно ад, мое убежище угрюмо.
О том, что от меня бегут, что нет ко мне дорог, я плачу.

Нужду и горе принесли мне одиночество и старость.
О том, что злобный жребий мой на боль меня обрек,
я плачу.

Ищу в пустыне бытия источник, реку — и напрасно!
О том, что марева обман — всех поисков итог, я плачу.

Всю жизнь провел я среди тех, кто и в делах и в мыслях
грязен.
О том, что до сих пор терплю вблизи себя порок, я плачу.

Без чистой радости в душе я совершил намаз однажды;
О том, что кару на себя заслуженно навлек, я плачу.

Хоть, Агахи, как соловей поешь ты, но живешь, как
филин:
О том, что как его жилье и мой приют убог, я плачу.

54

Пусть будет каждый день счастливым и погожим,
Пусть будет каждый день на день весны похожим.

Пусть радости всегда тебе дарует мир,
Да будешь ты всегда дарящей радость тоже.

Пусть свет твоей красоты и милости твоей
Сияние светил стократно приумножит.

Пусть благоденствие, как сокол твой ручной,
Кружится над тобой, пока твой век не прожит.

Чтоб ты могла врагов, как диких лошадей,
Арканом обуздать, обузданных стреножить.

Пусть каждого, кто зло замыслит на тебя,
Вплоть до скончания дней больная совесть гложет.

Пусть сердце, что всегда склоняешь ты к любви,
Сияет как звезда, средь звезд на небе божьем.

Пусть, как прислужники, небесные тела,
Склонятся над твоим благоуханным ложем.

Пусть милости твои согреют Агахи,
И пусть он в светлый час об этом песню сложит.

55

Приди, наездница моя, я немощью своей встревожен,
Быть может, я всего лишь пыль и на твоём пути
ничтожен.

Пусть птица скорби вновь и вновь над головой моей
кружится,
Но сокол милости твоей меня ещё спасет, быть может.

С тобой в разлуке много дней я, как подстреленная птица,
С небес мечты, мечты своей я упадаю, век мой прожит.

Пусть светом красоты твоей, как солнцем, путь мой
озарится,
Беда: глаза мои в крови, червь ожидания сердце гложет.

Я жизнью жертвую своей, приди скорей, моя царица,
В мой дом, туда, где я лежу в бессилии на тесном ложе.

В кругу соперников моих все могут надо мной глумиться,
Стократ униженный тобой, я ими вовсе изничтожен.

Даруй же мне свиданья час, чтоб от недугов исцелиться,
Разлукой раненому мне ничто иное не поможет.

Тому, что обещаешь мне, я знаю, никогда не сбыться,
И все же верен я тебе, путь верности моей неложен.

Есть тонкость в песнях Агахи, она надолго сохранится,
Он мерит тонкостью твоей все, что споет он, все, что
сложит.

56

Закрой лицо, чтоб не смущать тех, кто в тебя влюблен,
Один я на тропе любви пусть буду посрамлен.

Есть тайна в завитках твоих, я до нее дойду,
Своим гореньем озарю, незнающим препон.

Ты столь стройна, так хороша, что и весной в саду
Самшит досадою сражен и кипарис смущен.

Прогуливайся в цветнике, но на свою беду
Пред всеми сердца своего не раскрывай бутон.

В саду пройди у всех цветов и листьев на виду,
Чтоб не был и нарцисс одним собою восхищен.

Ты солнцу покажи лицо и дай ему понять:
Ты украшаешь лик земли, как солнце небосклон.

А пред соперником лица не надо открывать,
Чтобы сиянием твоим он не был награжден.

Стрела ресниц и лук бровей — дано им убивать,
Что делать: со стрелою лук вовек соединен.

Не будет пьющим пусть дано людьми повелевать,
Пусть на высокий трон глупец не будет вознесен.

Хоть сладок розы аромат, в нем постоянства нет,
Не потому ли соловей страданию обречен.

Не жалуйся, о соловей, ты не избежнешь бед,
Неверность твоего цветка — не случай, но закон.

Пусть Агахи навек уйдет от суеты сует,
Чтобы в искусстве песни петь был всех искусней он.

57

Открой лицо, чтоб по ночам луна бы над тобой
кружилась,

Чтобы горело солнце днем и близостью к тебе гордилось.

И если правду говорят: рубины радость нам приносят,
Открой рубины губ своих, чтоб наша радость вечно
длилась.

Пусть плоть и пусть душа моя для стрел твоих мишенью
стали,

Смирилась с мукою душа, и с болью плоть моя смирилась.

Чтоб досадить мне, ты пришла с соперником в мою
лачугу,

Но видишь: голова моя пред ним и пред тобой
склонилась.

Ты восемнадцати годов достигла, и молю я ныне,
Чтоб восемнадцать тысяч звезд над головой твоей
светилось.

Ты поглядела на меня, меня своим сразила взглядом,
Где может в самой глубине ко мне презрение затаилось.

И вновь я голову склонил перед тобой, моей любимой,
Хоть мне свою главу склонять и пред царем не
приходилось.

Идущих праведным путем согрейте и благословите,
Подайте нищим людям хлеб, к влюбленным проявите
милость.

Услышан, Агахи, твой стон, зачлись тебе твои молитвы,
И сердце той, кого ты ждешь, пусть не надолго, но
смягчилось.

58

Что ж, сострадание проявив впервые, ты не идешь,
Покуда мы с тобой еще живые, ты не идешь?

Моя душа вот-вот покинет тело, мой час пробьет,
Так почему ж сегодня, о Мессия, ты не идешь?

Ты от меня ушла и отдалилась, и жизнь пройдет,
Безумие — теперь моя стихия. Ты не идешь.

Разлуки стрелы в грудь мою вонзились, копье забот,
Что ж горести мои унять земные ты не идешь?

Все на меня несчастья ополчились, беда гнетет,
Объединились в войско силы злые; ты не идешь.

«Мне верен этот немощный бедняга не первый год!» —
Самой себе сказав слова такие, ты не идешь.

Ты бросила меня в огонь разлуки, и пламя жжет.
То не ценя, что ценят все другие, ты не идешь.

Терпенья нет, душа моя из тела уйдет вот-вот,
Но, сжалившись и вспомнив дни былые, ты не идешь.

Печален Агахи, и днем и ночью он слезы льет,
Но чтобы виделись мне сны иные, ты не идешь.

59

Ты радуешься, причинив мне боль, моя царица,
И потому я не молю: пусть эта боль смягчится.

Тобой унижен встану я, потупя долу очи,
Иль упаду, чтоб пред тобой во прах мне превратиться.

Я лишь молю, чтоб я один был тем, кого ты мучишь
В краю любви, где мнит себя орлом любая птица.

Запой же песню в тишине печально и тягуче,
Чтоб с песнями тех, кто влюблен, и этой песне слиться.

Хоть осень, кравчий, на дворе, весна под нашим кровом,
Разлей вино, чтоб, как цветам, пиалам распуститься.

Открой лицо передо мной, даруй мне милость снова,
Чтобы от зависти моим врагам испепелиться.

Пусть бытие моё гонцы небытия развеют,
Мне только бы в последний миг с тобой не разлучиться.

Я сердцем к простоте стремлюсь, хотя порой пестреют
Витиеватые стихи и на моих страницах.

Лишь раз свиданием с тобой был Агахи отмечен
И этим будет он всегда, покуда жив, гордиться.

60

За грусть мою не осуждай меня укором или взглядом,
Грустна и песня соловья, что разлучен с любимым садом.

«Не жалуйся, — мне говорят, — на то, что с нею твой
соперник:

Любовь и боль, цветок и шип всегда сосуществуют
рядом».

Каменьями летят в меня несправедливые упреки,
Что ж, камень бросить каждый рад в плод, что доступен
многим взглядам.

Я говорю себе: «Ну что ж, так повелось на белом свете:
Коль ты влюблен, так будь готов к тому, что мир твой
станет адом».

Остатки сердца моего разлука гложет. Так бывает,
В развалинах сидит змея и сторожит дорогу к кладам.

Не удивляйтесь, если вдруг безумный я уйду в пустыню,
Чем жить без милой, предпочту отшельничество всем
наградам.

Из сердца прочь влюбленный пусть исторгнет все кроме
любимой:

Ведь если зеркало в грязи, что в нем предстанет перед
взглядом?

Старуха жизнь страшна и зла, хоть и невестой
притворилась,

Поймет лишь мудрый, кто она всем вопреки ее нарядам.

О ты, создавший ад и рай, не проявляй жестокосердья,
И Агахи не покарай с его любимой разладом.

61

Два завитка с ее лица спадают щедрыми волнами,
Иль два цветка на нас глядят своими влажными глазами?

То брови на ее челе два полукруга прочертили,
Иль молодые две луны во мгле ночной зажглись над
нами?

Что это: два ее зрачка, что мусульман убить решили,
Иль два гяура, что пришли святыни рушить в нашем
храме?

Что там: рубины на лице, что все сияньем озарили,
Или два яхонта горят, случайно брошенные в пламя?

А это: зубы между губ нас белизною ослепили,
Иль крупный жемчуг и рубин, что иногда зовут устами?

Что это: перлы два огня на смуглой коже засветили,
Или безлунной ночью тьма украшена двумя звездами?

Два века на ее лице нас красотою покорили,
Иль две миндалины в саду между зелеными листками?

Что это: две тугих косы вдоль стана ниспадают, или
Хранящие ее красу драконы с длинными хвостами?

Кто знает: строки Агахи красу любимой восхвалили,
Иль одарила та краса его певучими словами?

62

Твои глаза на жизнь мою задумывают покушение,
И метит лук бровей твоих мне прямо в грудь стрелу
презренья.

В ночи звезда моей беды пусть неземной твой лик осветит,
Не удивляйся: та звезда — звезда созвездья
преклоненья.

Недуг разлук меня убил, и потому тебя сегодня
Я о свидании молю: оно сулит мне исцеленье.

Убийца, не пугай меня тем, что огнем сожжешь мне
сердце:

Того, кто догорел дотла, может испугать сожженье!

Ты спрашиваешь, почему я так безумен и смятенен,
Как будто не из-за тебя мое безумье и смятенье!

Ты, кипарис мой, дорожи слезами горькими моими:
Не в этих ли слезах твое признание и утверждение?

И за обиду не сочти истошные мои стенанья.
Я верю: жалобы мои всевышний примет, как моленья.
Я знаю: люди не должны стремиться к тленным благам
мира,
Наш мир с красавицею схож, чья верность — на одно
мгновенье.
Так спой же песнь для Агахи, моя неверная певунья,
Ибо владеет в этот час унынье мною и сомненье.

63

Две брови черные твои над выгибами глаз,
Как палачи, которым дан меня убить приказ.
Как будто с розою самшит, в одно соединились
Ее лицо и тонкий стан, прекрасный без прикрас.
Прелестны шалости ее, кокетливые взгляды,
Но почему летит в меня всех этих чар запас?
Как сохранить мне жизнь, когда сто тысяч притеснений
Ресницы и глаза ее чинят мне всякий раз?
Как бедный соловей, моя душа поет и плачет,
Ведя о горестях любви свой бесконечный сказ.
То небо, что Бистун-гору свалило на Фархада,
Сто гор таких и на меня обрушило сейчас.
И солнце равно дарит свет дворцам, камням, руинам,
Ты милостью, о падишах, не равно даришь нас.
Пойми: хоть будешь диваной, хоть мудрым Сулейманом,
Нам всем в небытие сойти в определенный час.
Толпа несчастий и скорбей на Агахи напала,
И он не в силах рта открыть, молить, чтоб кто-то спас!

Певунья, саз возьми скорей, настрой его, чтоб в день
весенний

Сгорающей душе моей стать жертвой неземного пеня.

Желаю, чтоб тебе сейчас счастливо пелось и игралось,
Ибо в вечерний этот час сгораем мы от нетерпенья.

Жеманница, играй и пой, но так, чтоб нам не показалось:
Кокетства больше чем игры в твоём искусном исполнении.

Тебе мукамом «Чапандаз» всех завораживать случалось,
Заворожи сейчас и нас, рассея печали и сомненья.

Пой в этот полуночный час так, чтобы песня не кончалась,
Чтобы мелодия «Хиджаз» нас под своей сокрыла сенью.

Тебя Мессией звали все, все те, с кем ты когда-то зналась,
Ты мертвых можешь воскресить еще до
светопреставленья.

С тех пор, как встретил я тебя, с влюбленным что со мною
сталось?

Я пьян тобой и своего сокрыть не в силах опьяненья.

Моих соперников не счесть, боюсь я, чтоб не оказалось,
Что худший из всех, кто есть, твоё обрел расположение.

Так пой, чтоб в жизни Агахи скорбей, печалей не
осталось,

В счастливой музыке твоей пусть обретет он утешенье.

Улыбками и ликованием рассветы встречает бутон?
Когда ветерок с ее улицы слегка обвеваает бутон.

Увидев нежнейшие губы смеющейся розовоюликой,
Как будто бы от удивленья свой рот раскрывает бутон.

С тех пор как прослыл одержимым, к устам ее страстью
снимаем,

Он кровь свою в горе глотает, в тоске пребывает бутон.

Склонив в одиночестве голову на ворот своих
размышлений,

Изведать, в чем губ ее тайна, как будто желает бутон.

Подвязанный поясом службы, все заново принаряжает,
Когда посещения розы в саду ожидает бутон.

Пушок над губою — прекрасен, ведь это же так
соразмерно,

Когда в изумрудное платье алость губ облачает бутон!

Возлюбленной очарованье — цветник; плащ на ней —
разноцветье,

Цветок в нем — застежка, а пояс, что стан облакает —
бутон.

Но в том цветнике несравненном — о, горе! —
превратностям жизни

Цветок беззащитный подвержен, их не избегает бутон.

Пойми, до рассвета свиданья душа Агахи не воспримет,
Покамест рассвет не приходит, ведь не расцветает бутон!

О кравчий, милость окажи! Меня страдать заставил пост;
И грудь красна не от вина — ее мне окровавил пост!

Смотри: мечом голодных мук он замахнулся на меня;
Ох, поясницу мне сломал, глаза мне продырявил пост.

Придав порядок боевой войскам страданий и забот,
Вина отряды оттеснил, свои посты расставил пост.

Мой стан был, как стрела, прямым — теперь он
превратился в лук,
Поскольку к бремени тоски свой тяжкий груз добавил
пост.

Я изнываю без вина, о выведи меня на свет,
Весь мир окутал темнотой, меня в тюрьму отправил пост!

Я, чаши утренней лишась, лишился также и ума:
Мне даже кажется порой, что мне мозги расплавил пост.

Заглохли чувства, разум спит, отшибло память у меня...
Уж человек ли я? Меня принизил, обесславил пост.

А в голове который день как светопреставленья шум:
Ведь от свидания со мной красавицу избавил пост.

Возлюбленная уж давно неблагосклонна к Агахи,
И в этом у меня, увы, сомнений не оставил пост.

67

Сказал я: «Насладиться дай своими сладкими губами!»
Она сказала: «Не смущай меня подобными словами!»

«Меня на пир свой позови, о ты, похожая на пери!»
«Мы — пери, и ничтожным вам не должно веселиться
с нами!»

Я ей сказал: «Открой свой лик, вкушу я счастье в полной
мере».

«А не боишься, что убью тебя своих ресниц ножами?»

«Ты — солнце, я — всего лишь пыль, но снизойди ко мне,
поверив».

«А не боишься — пыль сгорит под восходящими
лучами?»

«Владычица, я — жалкий раб, но ты к моей приблизься
двери!»

«На то мы и владыки, чтоб не знаться с жалкими
рабами!»

Я ей сказал: «Душа горит, как будто подошел я к печи!»
«Чтоб не сгорать, ты не мечтай о родинке, что над
бровями!»

«Рубины алых губ твоих, как райский ключ, который
вечен!»

«Равнять рубины губ людских не надо с райскими
ключами!»

«Несправедливо: я, бедняк, твоим богатством не отмечен!»

«А разве сам ты не богат словами, словно жемчугами?»

«Дай нам понять, кого из нас ты одаришь желанной
встречей?»

«Того, кто может одарить меня достойными дарами!»

Но почему от Агахи ты убегаешь каждый вечер?»

«Он силится меня обнять своими тощими руками!»

68

Мне бы сердце до нее донести, до милой мне б
доволочиться,
А там утратить все, что есть, и с жизнью бренной
распроститься.

Но толпы черных дум моих, как вражьи орды, захватили
Всего меня: от влажных глаз до глубей, где душа таится.

Ее прелестные черты своею властью покорили
Все: от пылинки до луны, блистающей и яснолицей.

И, преклонившись перед ней, изнемогли в своем бессилии,
Не только люди на земле, но даже деревья и птицы.

Быть может, с жемчугом ее слова напрасно мы сравнили:
Как ни прекрасен бисер, все ж не может с жемчугом
сравниться.

В саду величия ее пред нею головы склонили
И падишахи, и рабы, и ангелы, и ангелицы.

Вином рубины губ ее всех смертных в мире опьянили:
От немощного диваны до шаха, чья тяжка десница.

Что суетишься ты, глупец, тебе, как всем, лежать
в могиле,
Зачем свой возвышать дворец, ко злату бренному
стремиться?

О Агахи, как тот глупец, стремишься к радости не ты ли?
Но радость, хоть придет, уйдет, здесь ничего не
повторится.

69

Гвоя попытка удалась, что ты задумала, свершилось.
Кровь из груди моей лилась и тело ранами покрылось.

Любовь к тебе в моей душе заполыхала во мгновение,
И немощная плоть моя в том пламени испепелилась.

Воей улыбкой на мою жизнь совершила покушение
та, что в неведении своем не знает, что такое милость.

И нету силы у меня свое обуздывать влечение.
Взвешиванье горькое мое на небе в звезды превратилось.

столько пролил горьких слез, что их обильное течение
се затопило, и земля в волнах потопа очутилась.

И толпы бедствий и скорбей прошли по мне без сожаленья.
И скрылись, растоптав меня, и пыль вослед им за клубилась.

Что делать, бедный Агахи, твое истощенное моление
Небес достигло и в ночи луною полной засветилось.

70

**Блаженны те, что в сад прогулку совершили,
Кому случилось быть весной в горах, в степи ли.**

Тот счастлив, кто идет в цветник, где все цветет,
Где алые цветы бутоны распустили.

**Блаженны те, кого дух вольности влечет,
Те, что забыли все и по реке поплыли.**

**И те, что, отрешась от всех земных забот,
Проникли в суть вещей и тайн земли вкусили.**

**Среди счастливых всех стократно счастлив тот,
Кто в Мекку держит путь или к святой могиле.**

**Наш разум — быстрый конь, гони его вперед,
Ты не жалеяй его, пусть весь он будет в мыле.**

**И если дух смятен, вкуси познания плод,
Быть может, обретешь блаженство в изобилии.**

71

**Я ждал прихода лукобровой, не посидев, убила.
Метнув стрелу-ресницу, снова, не посидев, убила.**

Молил: «Ты посиди со мною!» Но, будто бы смущаясь
От предложения такого, — не посидев, убила.

Надеялся: она побудет со мною, ответится,
Но, обманув хитро больного, не посидев, убила.

Хватал я руки луноликой, у ней в ногах валялся,
Но мной пренебрегла сурово — не посидев, убила.

Придя в собрание, пред собою влюбленных усадила,
А моего гнушаясь крова, не посидев, убила.

Дождался встречи я, и снова молил: «Побудь со мною!
Не жажду ничего иного...» Не посидев, убила.

В лачугу Агахи явилась мучительница эта,
Направив меч мученья злого, — не посидев, убила.

72

О пери, на пир позови, награждая меня,
Небесной своей красоты не лишая меня!

В порядок опять приведи мой расстроенный разум,
Одним из влюбленных безумцев считая меня.

Разлукой отравлен, прошу я: в рубиновой чаше,
Живительный мед поднеси, услаждая меня.

Я умер, любовью сражен, — тут бессилен Мессия,
Уж лучше сама ты приди, воскрешая меня.

Дай станом твоим любоваться, — подобно Адаму,
С улыбкой впуская на улицы рая меня.

Даря ему встречу, соперника сделала другом...
Будь великодушиюю, не отвергая меня.

Улыбки всех гурий и пери привадить не могут,
От сладостных дум о тебе отвлекая меня.

Мне чашу услад камень скорби разбил. Виночерпий,
Вина в черепке поднеси, опьяняя меня!

Законник! Велишь Агахи от любви отказаться?
Не мучай, приказом своим убивая меня.

73

С тех пор, как милая моя сокрылась с глаз, сокрылась
с глаз,
Стенаю, плачу, как Меджнун, я что ни час, я что ни час.

В твою мне сторону идти, моей душе пылать,
Владычица, ты не ко мне идешь сейчас, идешь сейчас.

Я думал: о любви моей никто не будет знать,
Но эту тайну от людей аллах не спас, аллах не спас.

Моей душе в твоей любви пристанище искать,
А ты надежды свет зажгла, но свет погас, но свет погас.

Ресницы ты свои остришь, чтобы сердца пронзать,
Ты луками своих бровей караешь нас, караешь нас.

В чем верности любимых суть, нам не дано понять,
И не постичь, что их таит зрачков алмаз, зрачков алмаз?

Меня вы судите, а я в кабак иду опять,
Лишь там свободен я, и мне плевать на вас, плевать на
вас!

Нам прибыли из бед своих не должно извлекать,
Ибо становится корысть бедой подчас, бедой подчас.

С друзьями сладко Агахи мне чаши поднимать.
Быть может, я и пью сейчас в последний раз, в последний
раз!

Придти, чтобы убить — такой зарок дала,
Убить убила ты, придти, ты не пришла.

Чтоб обо мне узнать, меня не навестила
По неразумию скорее, чем со зла.

До самого утра печаль меня томила,
Пока в кругу друзей ты на миру была.

И небеса мое стenanье поразило,
Притворства ж твоего не дрогнула скала.

В кругу соперников пила ты и шутила,
Веселием меня сжигала ты дотла.

Меня во цвете лет коварство погубило —
Не наостренный нож, не меткая стрела.

Не бранью ты меня, — молчаньем поразила,
Хоть слово бы одно в ответ произнесла.

Свидание с тобой меня бы исцелило,
Свиданьем исцелить меня ты не смогла.

Кому же Агахи сказать про все, что было,
Его убила ты, хотя и не пришла.

Берегов там, где слез моих море, нет. Что поделаешь, нет
так нет.

Тишины там, где плачу я в горе, нет. Что поделаешь, нет
так нет.

Люди могут в глазах у нее прочесть милосердие или гнев,
Для меня ничего в ее взоре нет... Что поделаешь, нет так
нет.

Всех спасает она от сердечных мук, — для меня ни
целебных средств,
Ни сочувственных слов в разговоре нет. Что поделаешь, нет так нет.

Я во мраке разлуки совсем ослаб: даже искорки, чтобы
разжечь
Этих вздохов багряные зори — нет! Что поделаешь, нет так нет.

Мне души не вернули ее уста, но и глаз
не моргнул палачу:
Мне ни жизни, ни казни в позоре — нет. Что поделаешь, нет так нет.

Мне обещана встреча была, и вот я на улицу к ней спешу
А ее, будто мы с ней в раздоре, — нет. Что поделаешь, нет так нет.

Луч ее благосклонности светит всем, но и проблеска для
меня
Ни в земном, ни в небесном просторе нет. Что поделаешь, нет так нет.

Все живет под счастливой ее звездой, но таких светил для
меня
Ни в одном многозвездном узоре нет. Что поделаешь, нет так нет.

Я сказал ей, что море слез Агахи и безбрежно, и глубоко.
А она: — Берегов в этом море нет? Что ж поделаешь, нет так нет!

Суровые ныне морозы стоят,
И в жизнь они вносят ужасный разлад.

Все ежатся, жмутся поближе к огню,
Его окружив наподобье Плеяд.

Но в лютую стужу людские сердца,
Как ртуть, даже возле жаровни дрожат.

Как лотосы, лица красавиц бледны,
Алевшие прежде, как спелый гранат.

Был стройностью стан их похож на «алиф»,
А ныне он в «нун» превратился, горбат.

В объятья любовников, полных огня,
Дрожащих красавиц загнал снегопад.

И те, обнимая любимых своих,
Всего достигают без всяких преград.

Ощерившись, словно зубчатая «сия»,
Мороз на прохожих набросится рад.

Надел горностаи зажиточный люд:
Зима не пугает того, кто богат.

Надежные средства от холода есть:
Халаты на вате и шубы до пят.

Но как эту зиму прожить Агахи,
Где взять ему шубу и теплый халат?

77

Слово бывает и в самых любимых устах горьким.
Семечко может быть даже в сладчайших плодах горьким.

Пламенем милых ланит опален, мотылька вспомни:
Он не считает свой жребий — свой огненный крах —
горьким.

Если друзей ты допустишь на праздник твоей страсти,
То наслаждение станет на этих пирах горьким.

Тенью угрюмой лицо мне покрыли твои кудри,
Стало мое бытие, угасая впотьмах, горьким.

Не отрекайся от радостей мира — придет время,
Всё возжеленное сделает гибели страх — горьким...

Алчным не будь, ибо эта отрава, войдя в душу,
Сделает мед уваженья, что собран в сердцах, горьким.

Трудно поверить, но, в сущности, яд нищеты сладок,
Хоть он и кажется людям на первых порах горьким.

Вот и тебя, Агахи, напоила судьба ядом:
Выпил ты все, что слывет на земле, в небесах горьким.

78

Милость неба, — хотя мне грозит нищета, — не нужна!
Кто не жаден — тому и услуга плута не нужна.

Если сможешь сокровищем щедрости ты овладеть,
И Каруна казна — скопидома мечта — не нужна.

Что Джейхун и Ефрат тем, кто бедности, рабства
хлебнул?

Им вода этих рек, пусть она и чиста, — не нужна.

И прекрасной Лейли лишь возлюбленный нужен
Меджнун,
Как Меджнуну Лейли и в любви, и в скитанье нужна.

Кровью печень свою напитаю: на свиданье тебе
Будет алая влага вина в гюлистане нужна.

Ты свой видимый облик сумей осветить изнутри:
Без глубокого смысла словам красота не нужна.

Алчный алчет богатства свои умножать без конца —
Он добро себе копит, ему доброта не нужна.

Бедняка же нетрудно удовлетворить — ведь ему
Фаридуна держава, дворцов суета не нужна.

Агахи, одари тех, которым не просто слова,
Но и мера певучая в их сочетании нужна.

79

Вы пейте, друзья, наслажденья хмельное вино,
Мне горя вино от рожденья глотать суждено.

Пусть радость румянцем алеет на вашем лице,
А наше — от горя шафрановым стало давно.

И сколько бы вы ни твердили мне: «Ты, мол, да мы»,
Но сердцу так больно, что медлит раскрыться оно!

В тоске поникая, колени изранил мой лоб,
А это — на лбу от костлявых коленей пятно.

Я в горестных думах и ночи, и дни провожу,
Счастливым, бездумным познать мою жизнь не дано.

Пусть мир полосует кинжалами душу мою,
А людям — как будто кромсают кошку — все равно!

Невестою-жизнью обманут бедняк Агахи...
О боже, и сердце вселенной коварства полно!

80

Зачем удивляться, что сердце и плачет, и стонет
в смятенье?

Судьба в него камни бросает, избрав для мучений
мишенью.

Зачем говорить без умолку о локонах пери прекрасной?
Ть месяц на небе туманном, каймы его нежной свеченье.

Мне слезы лицо исписали, и люди прочли эти строки.
Как будто любви моей горькой таилось в них
разоблачение.

Ты слез не гнушайся кровавых, ведь это же войны веры,
А вздохов дымы — это кудри небес, их чела обрамленье.

Я болен от горя и тягот, я помощи жду, виночерпий:
Сдружиться с наполненной чашей — вот лучшее в мире
лечение!

На кухне судьбы для невежды и сласти и яства найдутся
А ты несоленой похлебкой довольствуйся, муж
просвещения.

Ученость и ум в этом мире — товар, не имеющий спроса:
Никто их в тебе не оценит, никто не придаст им значенья.

Ты лучше обычаю взятки последуй в суде шарната,
Так умный истец покупает какое он хочет решение.

К чему тебе пышная слава с ее пустотой величавой?
Уже тебя время торопит, стуча в барабаны забвенья.

Лицо ее, кудри и очи — тюльпан, гнацинт и нарциссы.
Увы, Агахи, не увидишь ты сада любимой в цветенье!

МУСТАЗАДЫ

Подруга! В ночь разлуки, во мраке расставанья
лик солнечный яви.

Разбито сердца зданье, ты радостью свиданья
его восстанови.

Как длинный зимний вечер часы разлуки длятся —
ни проблеска рассвета.

Приди ко мне в каморку, пролей свое сиянье,
я тьму останови.

Разгневавшись, ресницы ежеминутно мечешь,
ну что же, полюбуйся —

Ты сотни стрел вонзила в меня без состраданья,
И вот я весь в крови.

Разлука за разлукой... Терпя несправедливость,
горюю непрестанно.

Не звезды в небе — искры от моего стenanья,
Сгораю от любви.

Фархаду я подобен: ломаю скалы скорби
в окаменевшем сердце.

И этому виною влюбленного дерзанье.
О, жалость прояви!

Что, — ожидая встречи, — испытывает в стужу
твой нищий — ты не знаешь.

Ты и в бобрах, и в белках красуешься в собранье,
надев меха свои.

Я Агахи подобен: ведь и меня, страдальца,
скорбь по тебе убила.
Из влаги уст хотя бы дай каплю в оправдание:
приди и оживи!

* * *

Любимая, ты в цветнике — прекраснейший цветок.
 Мир поражен тобой:
 красою из красот.
 Влюбленный в этот мускусный прелестный завиток,
 все ходит сам не свой,
 исполненный забот.

Стенает горлинка в лесу в тоске по кипарису,
еще одно мгновенье —
без чувств она падет.

Тобой любясь, соловей из грудки стон извлек,
и днями и ночами
он горестно поет.

Едва пришел разлуки час, мое разбилось сердце:
его неумолимо
огонь недугов жжет.
Былого мужества лишась, я в муках изнемог.
Любимая, нет силы
переживать разброд.

Подвергла казни ты весь мир ислама — я рыдаю.
 Коня камчой ты хлещешь,
 и меч твой всех сечет;
 Жестокий иноверец, он погибель вмиг навлек
 на истых правоверных —
 смертям потерян счет.

Тебе довольно только раз взглянуть великодушно —
от края и до края
земля вся расцветет.

Зачем же машешь ты мечом? Тебе ли невдомек,
что может мир разрушить
твой дерзостный налет!

И сердце и глаза равно любуются тобою,
светло твое сиянье,
как солнечный восход.

Лицо собою не закрыв, пусть локонов поток
у наших глаз влюбленных
его не отберет.

Я самый слабый жалкий раб у твоего порога.
Смиренье — добродетель
лишенного щедрот.

Одна надежда на тебя, всемилостивый бог,
дарующий нам благо.
Ты — мудрости оплот!

О, как в саду красы твоей свежо, благоуханно!
За редкими цветами
Сюда весь мир идет.

Не потому ль пустынный край иль райский уголок
нарциссы и тюльпаны
нам щедро раздает?!

Нет утешенья Агахи. Разлукою отравлен,
он умирает: близок
уже его уход.

Мессия мира! Видишь, он несчастен и убог,
верни ему дыханье,
пускай он оживет!

МУРАББА

Недуги тяжкие меня своею душат дланью,
И землю сотрясли мои истошные стенанья,
Тоскуя по тебе, я сжег себя до основания,
Царица грозная моя на троне почитанья.

Я жду, идет за годом год, зачах я от любви,
Мой жалкий онемел язык, глаза мои в крови.
Взгляни же на меня хоть раз и жалость прояви,
Царица грозная моя на троне почитанья.

Ты на соперников моих свой устремляешь взгляд,
А я вкушаю, что ни день, твоих укулов яд.
Ты наконец меня прости, когда я виноват,
Царица грозная моя на троне почитанья.

Не слышно ржание коня, не слышен звон копыт,
Конь состраданья твоего не на меня глядит.
Тебе нет дела до моих недугов и обид,
Царица грозная моя на троне почитанья.

Со мною быть, любовь хранить, меня не покидать —
Ты обещанье мне дала, да не смогла сдержать,
Ты слышишь, я прошу тебя, я жалуюсь опять,
Царица грозная моя на троне почитанья.

Опять с соперником моим ты будешь пить и петь,
А я с тобою разлучен, я обречен терпеть,
Ты видишь, как недужен я, в твою попавший сеть,
Царица грозная моя на троне почитанья.

Упало на голову мне обильно всяких бед,
Но состраданья от тебя не вижу много лет.
До коних пор мне все терпеть, и без того я сед,
Царица грозная моя на троне почитанья?

Разлука долгая моя — обитель темноты,
В меня, ничтожного, стрелу ты пустишь с высоты.
Кому пожаловаться мне, когда на свете ты —
Царица грозная моя на троне почитанья.

С трудом себя я доволою до улицы твоей,
И плачу, и валюсь я с ног на улице твоей,
Упал я в пыль на твой порог на улице твоей,
Царица грозная моя на троне почитанья!

Так напою меня вином участия и любви,
Руины сердца моего дыханьем оживи,
От всех недугов излечи, прими, благослови,
Царица грозная моя на троне почитанья.

С мольбою на пути твоём стою, угрюм и слаб,
Так снизойди же до меня или услышь хотя б.
Я за одну тебя молюсь, униженный твой раб.
Царица грозная моя на троне почитанья.

Дар благосклонности твоей на свете видит всяк,
А благосклонность для людей — источник многих благ.
Я благосклонности не жду, но дай какой-то знак,
Царица грозная моя на троне почитанья!

Стою на улице твоей, мне нет пути назад,
На ней пристанище мое, здесь мне и рай, и ад.
Всю жизнь судьба казнит меня, а в чем я виноват,
Царица грозная моя на троне почитанья?

Как ты забыла обо мне, прошли года с тех пор,
Хоть ныне жалобу услышь, моленье и укор

Того, кто пред тобой себя во прахе распростер,
Царица грозная моя на троне почитанья!

Здесь, на земле, где без числа печалей и разлук,
Я, Агахи, — твой жалкий раб, но преданный твой друг,
Будь снисходительной ко мне, меня согнул недуг,
Царица грозная моя на троне почитанья!

* * *

Любимой тонкий стан — самшит, лик, словно роза в день
цветенья,
И эта красота ее — моя печаль, мое томленье.
Но превратило в райский сад мой дом любимой
появление,
О кравчий, чаши наполняй, настало время наслажденья.

Быть может, о моей любви случилось ей узнать,
Что на меня сошла ее улыбки благодать,
И бедный дом мой вдруг расцвел и стал благоухать,
О кравчий, чаши наполняй, настало время наслажденья.

В мой черный час, когда уже я головой поник,
На пир ко мне она пришла, и свой открыла лик,
И сразу я счастливей стал, сильнее всех владык,
О кравчий, чаши наполняй, настало время наслажденья.

Подобно гурии, она всех краше и стройней,
Рубин ее делящих губ — с живой водой ручей,
Свет глаз любимых озарил собрание друзей,
О кравчий, чаши наполняй, настало время наслажденья!

Сегодня звезды в небесах горят, как я хочу,
Всех побороť своих врагов сейчас мне по плечу,
В глухой обители своей я засветил свечу,
О кравчий, чаши наполняй, настало время наслажденья.

Сейчас рассвет, сейчас весна, и мир как будто спит,
Сегодня собеседник мой — цветок, чей стан — самшит,
И кажется: на свете нет ни горя, ни обид,
О кравчий, чаши наполняй, настало время наслажденья.

Мой дом и мой неожиданный пир — все превратилось в рай,
И зазвучали в тишине гиджак, танбур и най.
Что нам за дело до святош, пой, милая, играй,
О кравчий, чаши наполняй, настало время наслажденья.

Сидит впервые Агахи, свой жребий не кляня,
И одесную кравчий мой сидит возле меня,
Мы будем нынче пировать до наступленья дня,
О кравчий, чаши наполняй, настало время наслажденья.

МУХАММАСЫ

МУХАММАСЫ АГАХИ

Стан мой согнут — той, жестокой, тонкостанной —
расскажите.

Что терпенье истощилось, той, желанной, расскажите.
Что глаза мокры от горя, той, обманной, расскажите,
Той, чьи сладостны рубины, лик румяный, расскажите.

Я надеюсь, ваше слово к ней сумеет повернуть
И на муки от разлуки ей сумеет намекнуть.
Ей откроется, быть может, милосердья добрый путь,
И она мою каморку посетит когда-нибудь.
Той, любимой, — как страдаю постоянно — расскажите.

Кости все разлуки камень раздробил во мне давно,
Так, что немощное тело и опоры лишено.
Но отшельником — суфием я не стану все равно,
Хоть очаг очей любимых отыскать мне не дано,
Той, от чьих очей болею непрестанно, — расскажите.

Мой недуг ежеминутно распаляется стократ.
Вспомню про нее — как будто бьют по голове подряд,
Вспомню взгляд ее, — как выстрел, душу поражает
взгляд,

Вспомню об ее ресницах — стрел меня сражает град,
Той, что тело добивает каждой раной — расскажите.

Обложили меня толпы притеснений злых ее,
Выход мне ее кинжала преградило острие,

Мне подола встреч коснуться не позволит забытье,
И о том, что я согласен даже на небытие,
Той, что схожа столь с убийцей окайниным, — расскажите.

Пусть жемчужины желаний в сердце бедном соберет,
Пусть побудет в моей шкуре, как душа, что в ней живет,
Или нет, пусть снимет кожу, в тело, в плоть мою войдет,
Пусть мечтам позволит сбыться или Агахи убьет —
Так возлюбленной подруге и тирану — расскажите.

* *
*

Сто тысяч мук терпеть я небом приговорен один.
Жизнь ускользает, и рыданием я потрясен один.
О, милосердия царица, услышь хоть стон один!
Как только шаг шагну в темнице, где заключен один,
Событий стражами на кару я обречен один.

Душа печальная встречает и вечер, и рассвет,
Лежит в каморке скорби тело, иссохшее от бед,
На жалобы мои ни разу не следовал ответ,
Возлюбленной я не имею, подруги доброй нет,
Все выдержу, хотя от мира терплю урон один.

С тех пор как жертвой разрушенья мир этот сделал бог,
Никто, никто на белом свете так не был одинок.
Увы, сведут меня невзгоды в могилу в ранний срок.
Никто со мной не разделяет ни боли, ни тревог,
Пылаю, а вздохнуть не в силах, всего лишен один.

Сей мир — вертеп. О боже, сделай, чтоб гром его потряс,
Чтоб он был превращен в руины и не тиранил нас!
Ведь в сумерки от притеснений я плачу всякий раз,
Не диво, если иссякает источник моих глаз —
Ни капли влаги в нем, я плачем опустошен один.

От одиночества ничтожен я, как дорожный прах,
И для трудов в подлунном мире нет сил в моих руках.
Не лучше ли самоубийством ускорить верный крах?
Кто отомстит, стань я добычей одной из черных плах?
Таких несчастных мало в мире — я умерщвлен один.

О ты, кто серебром владеет и сладко ест и пьет,
Кто с родичами и друзьями утех вкушает мед!
Ни горя ты не замечаешь, ни жизненных невзгод,
Зачем же знать тебе, как нищий анахорет живет?
Из чаши Джама пить отраву он принужден один.

Кто одинок — владей он кладом и знаний, и труда, —
Лишен почета, что невежду венчает иногда.
Послушай, вновь тебе и снова скажу я, в чем беда:
Кто и в ремеслах, и в науках искусен хоть куда,
Тот не заслужит уваженья, коль скоро он один.

Кто одинок, тот будет презрен и обойден судьбой,
За что б ни взялся — неудача придет сама собой;
За сто сокровищ не получит он прибыли любой,
Он на большом базаре мира потерпит крах такой,
Что на его казну не будет грош обменен один.

Гнет одиночества несущий, — невыносимый гнет, —
Всю жизнь свою в мечтах бесплодных, в стенаньях
проведет.

Все достоянье он потратит, дабы снискать почет
Среди других людей, но только бесчестье обретет;
О нем — «мошенник» — скажут, если он жить рожден
один.

С тех пор, как я в юдоли скорбной нашел себе приют,
Мои глаза над жалкой долей рыдать не устают,
Язык мой нем, душа печальна, болезни плоть сосут,
Чем одиночество терзает — все испытал я тут...
Пусть даже и гяур не будет от мира отделен один.

Коснувшись грязи, ты испачкал свою благую суть,
И добиваясь благ житейских, обрел страданий путь,
Унынья, скорби и печали ты не сумел минуть.
Отвергни их, и, наконец-то, покой себе добудь.
Доколе, Агахи, на муки ты осужден один?

МУХАММАСЫ НА ГАЗЕЛИ НАВОИ

Когда вешней порою в саду рассмеялся цветок,
Весь цветник расцветал, ибо в нем красовался цветок.
Хоть по нежности и несравненным являлся цветок,
Но в саду, лицезрея тебя, удивлялся цветок:
Он был так потрясен, что без листьев остался цветок.

Вы, о солнце с луною, с небесной сойдя высоты,
Поклонитесь, признайтесь: она превзошла все мечты!
Моя дивная перь, чьи розоподобны черты,
Взяв парчовый убор, стала ханшей в стране красоты —
Так в садовых владениях короновался цветок.

Если в платье лилейном, игрива, лукава, нежна,
У себя на пиру иногда улыбалась она,
Разве странно, что страстью и воля моя сражена?
Возжелал я рубинов ее и возжаждал вина,
Когда здесь на пиру за цветком распускался цветок.

Ты разлукой был предан мучениям, о соловей!
Но обласкан цветка предпочтением, о соловей!
Не предайся опять увлечениям, о соловей,
И не радуй садовника пением, о соловей:
Гостем недолговечным тут обосновался цветок.

Агахи, ждет подземный цветник плоть и кости твои,
Ты не верь увереньям красавицы в вечной любви:
От тебя отрекаясь, шаги удаляя свои,
Вероломная, пересекла она жизнь Навои,
Снова раной разлуки любой оказался цветок.

Душа печальная моя, и днями, и ночами — плачь.
Любимая пренебрегла и клятв словами — плачь.
Чужими, новыми она увлечена пирами, — плачь.
Рыдай, о сердце, ты с ее разлучено дарами, плачь!
Глаза, лишились вы луны... Кровавыми слезами плачь!

Она к сопернику ушла, а он коварен и упрям,
И только иногда она приходит и к моим стенам,
А посетить ее жилье я не осмеливаюсь сам.
О туча, туча! Может быть, ты к тем направишься местам
И слезы за меня прольешь обильными ручьями — плачь.

Соперник что ни день сидит у милой на ее пиру.
Слагают сто легенд о том, что было на ее пиру.
Свеча, свеча! О, если б ты светила на ее пиру,
Душа безмолвная моя гостила б на ее пиру,
Там за меня гори всю ночь, колебля пламя, плачь.

Коль жаждешь истину найти, о сердце бедное мое,
В предел небытия уйди, о сердце бедное мое.
Ни воли нет, ни сил в груди, о сердце бедное мое,
А путь тяжел, горюй, грусти, о сердце бедное мое,
Цель недоступна, — над собой, над гиблыми мечтами
плачь.

Когда ее уста и стан причиной стали маеты,
Усилия вернуть покой — бесплодны и пусты.
Пока, подобно Агахи, ты смертной не достиг черты,
О Навои, на те уста и стан и не надейся ты,
Хоть в голос ты, хоть про себя, с закрытыми устами
плачь.

* *

*

Слава создателю, вот и соперника вовсе не стало,
Верность вернула и вновь милосердие мне оказала,
Сделать опять цветником мой разрушенный дом
пожелала —

Пери ко мне в эту ночь столь поспешно стопы направляла,
Что на прямом цветке даже сок его выступил алый.

С гордою, как у владыки в парчовом венце, головою,
Платья подол подоткнув, как храбрец, и взмахнув
булавою,

Локоны-луки на сердце нацелив, готовые к бою,
Сабли ресниц обнажая — оружие ночного разбоя, —
Косами с запахом мускусным талию опоясала.

Мило жеманясь вошла, и с намеком вошла сокровенным,
Сколько лукавства и страсти в улыбок ларце
драгоценном!

Было в ней все — и походка, и облик ее — совершенным;
Села и рядом меня посадила; со мною, смятенным,
Заговорила — жемчужиной слово любое блистало!

Для несравненных жемчужин ларец из рубинов —
жилище,

Что перед каждой казна и сокровищ серебряных тыщи?
Перлы рассыпав, воскликнула благословенная трижды:
«О мой несчастный возлюбленный! Как без меня здесь
грустишь ты?!»

Я онемел, у меня соответственных слов не хватало.

И, увидав, какова моей страсти безмерная сила,
С места мгновенно вскочила, в объятья меня заключила:
«Будем вдвоем опьяненными», молвив с ужимкою милой,
Чашу вином дополна налила и ее осушила,
После и мне подала со словами: «Ты выпей сначала.

С этою чашей глаза осуши свои, хватит стенаний!
О мой недужный, с лица ты сотри отпечаток страданий...»
В этих словах, наконец, я достиг исполнения желаний,
Плача, припал я к ногам ее, был, как в тумане,
Но не вино, а ее благосклонность меня опьяняла.

Как хорошо, Агахи, ночью быть со своею царицей,
Чашу веселья из рук ее пить ежечасно сторицей,
И, опьянев, благодарно ей под ноги пылью ложиться,
Пусть и она в эту ночь наслаждения в сон погрузится —
Ведь до рассвета ей бодрствовать, как Навои, не пристало.

* *

*

Едва властитель на заре двужальный обнажил клинок,
Он повелел войскам лучей занять весь мир, что столь
широк.

И отступило войско тьмы туда, где смерти край залег.
Сонм приближенных вывел тот, кем управляется восток,
И в небо поднял, словно флаг, из золотых лучей венок.

Водитель звезд, чуть приоткрыв рассвета потаенный путь,
Решил с любовью в ранний час на райский свод небес
взглянуть.

Тут подметальщик улиц тьмы спешил метлой зари
взмахнуть,

Чтоб с неба сор сухой листвы и черную траву
стряхнуть, —

Так распускает перьев круг павлин, украсивший чертог.

Волшебное перо судьбы расписывает небосвод,
Очерчивая вновь и вновь почей и дней круговорот,
А ныне солнечным лучом рисует темноты исход
И суре мрака в письменах истолкование дает,
Сияющий портал небес покрыв златою вязью строк.

Едва рассветный ветерок развеял дым ночных часов,
Окрасило светило дня лучами весь небесный кров.
Алая милостей, взлетел хор требующих голосов,
Но над Каабой громче всех был слышен муэдзина зов,
А брахман, распевая гимн, в прах перед истуканом лег.

Возлюбленные узнают, что слышно у влюбленных в них,
Те жалуются им на груз несчетных горестей своих;
Поэт о чувствах и делах любовников слагает стих,
Мыслители вступают в спор о тайном смысле слов иных,
А музыканты ищут, в чем мелодий сладостных исток.

Влюбленный столь безжалостно ночной разлукой
изнурен,
Что жизни бедственной своей предпочитает смертный
сон;
Таких невыносимых мук ужель заслуживает он?
Рассвет свой ворот разорвал, услышав этот громкий стон,
Ночь убывает, но, увы, не иссякает слез поток.

Чтоб новый край завоевать, великий шах взмахнул
мечом,
А то, что станут бедняки бедней — владыке нипочем.
Над каждым небо занесло несчастья меч; уверясь в
том,
Невежда, коему грозит жизнь угнетения клинком,
Напрасно хочет на других сей грозный меч направить
впрок.

Свечу веселия зажги, уразумев, что жизнь темна,
Подруга, сердце обожги, уразумев, что жизнь грустна,
Вано по кругу вновь пусти, уразумев, что жизнь
пресна.

Подруга, хорошо, что ты, уразумев, что жизнь грешна,
Похмельной чашей по утрам обносишь дружеский
кружок!

Когда возлюбленной лицо алеет розой без румян,
И кудри, словно гиацинт, подобен кипарису стан,
Не вынесет разлуки тот, кому предел терпенья дан!
Коль расставания шипы наносят сердцу сотни ран,
Он должен чашу мук испить, чтоб вдоволь нарыдаться
мог.

Ему печали разлуки горькой принесут года,
Глаза — в слезах, на языке — стенанья, на сердце —
беда.

Но если вдруг к нему лицо удача обратит, — тогда
За час свиданья, хоть один, исчезнет горе без следа,
И запирует Фаридун и выпьет Джам волшебный сок.

Как хорошо хотя бы раз взять кубок из любимых рук,
И опустить глаза, и стан согнуть в поклоне, словно крюк
И после стольких лет трудов в дни жесточайшей из
разлук

Увидеть избранную — чувств лишиться, опьяниться
вдруг

От кубка одного ее, и пасть пред ней лицом в песок!

О, если б кравчий соблюдал обычай тюрков в поздний час
И кубок наливал вином и девять раз, и тридцать раз!
Ведь это счастье, что тогда сознание оставляет нас.
От вечности материка неудержимо удалясь,
Готовы мы переступить земли небытия порог.

Прекрасен пир, когда на нем вино соединенья будет!
Безмерна радость от него и редким наслажденье будет.
Пусть, Агахи, не всем к нему доступным приобщенье
будет,

Но этот странник, Навои, быть может исключеньем будет:
Пустыней брениости он брел, чтоб подвести такой итог.

МУХАММАСЫ НА ГАЗЕЛИ ФИЗУЛИ

Глядит благосклонно, на встречи с людьми подвигая
меня,

Но делает зеркало лика ее попугаем меня.

При виде красавиц рождаются слова, обжигая меня,

При виде тебя исчезают слова, избегая меня,

Лицо мое маской становится, изображая меня.

Краса твоя мир освещает — скорее сгони с него тень!

Разлука же в ночь превращает мой светлый сияющий
день.

Прошу у луча, погруженный в ночную кромешную сень:

Ужели тебе, милосердье являя, согреть меня лень?

Я погран любимой, чей локон дрожит, завлекая меня.

Подруга моя, красотой ты с солнечным схожа лучом,

А я на закате разлуки с тобою лью слезы ручьем.

Ты милостива, но я болен, и впору послать за врачом,

А счастье так слабо и зыбко, что чинит препоны во всем,

Твоя благосклонность не греет, от встречи ограждая меня.

Ты высшая в мире обитель, ты с небытием наравне,

Могу ли приблизиться, жалкий, к высокой твоей стороне?

Престол красоты заняла ты, и царствуешь в этой стране,

Я — нищ, быть возлюбленным славной царицы заказано
мне,

Несбыточность тайных мечтаний томит, угнетая меня.

Лукавство твое раздирает мне печень опять и опять,

А кудри твои заставляют безумное сердце стонать.

О мой кипарис! Не довольно ль смертельные стрелы
метать?

Они мне вонзаются в сердце, и ран его не сосчитать,

И прадей жемчужные нити закрой, не смущая меня.

Я жажду любви луноликой, которая выше похвал,
Подчас меня та опаляет любовью, чей сладостен лал,
Однажды я страстью великой к шалунье одной воспылал,
Для юных красавиц я ныне пожизненным вакуфом
стал —
Любая пушком над губою приманит, пленяя меня.

Кому в этом мире служила звездой путеводной любовь,
Тому и обителью будет, опорой природной любовь.
И мне, Агахи, тоже дорог мой друг благородный —
любовь.

Поверь, Физули, я не брошу свой путь мне угодный —
любовь:
Она меня мудрости учит, ведет, изменяя меня.

* *
*

Едва престол прекрасного ты своим тронем сделала,
Терзать меня, бездольного — своим законом сделала.
Кружок друзей моих себе ты подчиненным сделала,
И каждого моим врагом приобретенным сделала.
Не совершит и враг того, что ты канонам сделала!

Тобою опечаленный молил тебя немало,
Но угнетений горестных не меньше, чем свачала,
А гнева и немилости намного больше стало.
Ну, хороша! Так стрелами меня ты забросала,
Что сталью тело брнное вмиг начиненным сделала.

Давно в стенаньях, в жалобах проходят дни и ночи,
Но путь к заре свидания, увы, не стал короче,
А ночь разлуки темная все горше, все жесточе.
О, ширься вздох мой огненный! Хоть в келье мрак все тот же,
Ночь мою пламя грозное днем освещенным сделало.

Добра к презренным гурия, как кипарис прямая,
А стан мой, стройный некогда, согнула скорбь земная.
В тюрьме печали мечется душа моя больная.
О эти слезы алые! Как бы цветы роняя,
Вы мою келью цветником непрезойденным сделали.

Мои мученья горькие, — небес жестоких дело, —
Все множатся и множатся, не видно им предела,
И если я не вынесу печального удела,
И слабое дыхание покинет мое тело,
Не надо, чтобы зло мой дом вновь населенным сделало.

Ты мучаешь по-прежнему, мне все уже немило,
А кровожадности твоей, мой идол, нет мерила.
Ты сердце мое стрелами усердно так изрыла,
Что обиталище его лучами озарила —
В нем раны те отверстием как бы оконным сделала.

Ты в этом мире, Агахи, не вечен, это ясно,
Зачем же ты цепляешься за бытие так страстно?
Покамест сожаления не ранят ежечасно,
В путь собираться надобно... Ах, Физули, напрасно
Мы временную станцию жильем исконным сделали!

МУХАММАСЫ НА ГАЗЕЛИ МУНИСА

Красоту всевышний создал — лик прелестный знаменит,
Губ рубиновую краску сок граната не затмит,
А пушок над верхней губкой, столь пленительной на вид,
Ароматом базилика и чарует, и томит,
Кто посмотрит — тот Мессию вместе с Хызром разглядит.

До рассвета куст наказан — в сон глубокий погружен,
Но пощечинами утра он без счета награжден.

Рот бутона окровавлен — почему унижен он?
Равным стать устам любимой вознамерился бутон,
Оттого он и унижен, рот его кровоточит.

Кто на мудрость вековую претендует в мире сем,
Тот рассудка вмиг лишится, на тебя взглянув тайком.
Обезумевший от страсти, с мужеством едва знаком —
Вкруг свечи — лица любимой — закружится мотыльком,
Так вращается и месяц, обходя ночной зенит.

О избранница на поле красоты! Кокетства меч
Знает лишь одно занятие: как бы грудь мою рассечь.
Цель очей твоих, бесспорно, — жизнь отнять, лишая
встреч,
Стрел-ресниц твоих острейших — мне из сердца не
извлечь,
И душа моя — их жертва, я стрелком искусным сбит.

Я, безумный, был в разлуке поглощен одной мечтой:
На тебя взглянув порою, насладиться красотой.
Пусть ни разу не достигну я свидания с тобой,
О тебе воспоминанье я сравнить могу с луной,
Что в темницу заглянула и недолго в ней гостит.

Все равны перед тобою — шах, бедняк иль богатей,
Все сословья привлекаешь ты живой красой своей!
Совершенна ты в науке обольщенья и страстей,
Лик твой ясный просветляет темные сердца людей,
Красота его земная свет духовности таит.

В Агахи ты не напрасно мечешь стрелы каждый миг,
Для меня на белом свете наслаждений нет других.
Тело — в ранах, но душою я спокойствия достиг,
И увечьям непрестанным рад я, ибо из-за них
И Муниса плоть в одежде красной — кровь ей цвет дарит.

* * *

Цветник надежд из туч приязни дождем полей, растущим
сделай.

Желаний сад своей красою подобным райским кушам
сделай,

А куст мой в пору листопада колючек не несущим сделай.

О боже, сердца край пустынный весною встреч цветущим
сделай,

Птенца души моей печальной ты соловьем поющим
сделай.

Пригубил я из кубка знаний, но ничего в осадке нет,
Я жаждой истины иссушен, я прожил в мире столько лет,
А все обижен, все рыдаю, и все не знаю, в чем ответ.
В дремоте, в сумерки густые невежества увял мой цвет,
Всеведенья рассветным ветром меня опять живущим
сделай.

От сатанинских козней сердце горит не месяц и не год,
А для хвалы тебе, всевышний, души скорбящей замкнут
рот.

Взгляни же милостивым оком, и это мне покой вернет,
Закрой же дьявольским соблазнам в страдающее сердце
вход,

И путь души моей ты к тайнам создателя ведущим
сделай.

Тот, кто в чести, и тот, кто занят обогащенья суетой,
Гордыней болен и корыстью, здоровьем хвастаясь порой.
А я к другим недугам склонен, рожденным бедностью
простой

И безответною любовью. Пусть изнуренным нищетой,
Пускай на тюфяке гниющим, но к страсти вопиющим
сделай!

В темнице тягостной разлуки я ночи провожу и дни.
Не встречи пиршества удел мой, а только бедствия одни,
И кубка долгожданной цели мне выпить не дают они.
Кровь слез не утоляет жажды. Молю, меня ты опьяни
Пурпуровым вином свиданья — и хмель, и радость
пьющим сделай.

Твоя краса — в чертах красавиц, и в их таится красоте.
Твои черты в подругах ищут, чтоб подивиться красоте.
В подруге думы сокровенной дай проявиться красоте.
Лучом божественного света дай причаститься красоте.
В плен захвати сердца красавиц, но плен любовь дающим
сделай.

Страсть затемняет непорочность душевной пыли
чернотой.
Чем занят дух? Он блеск зеркальный вновь возвращает
сути той,
И верх берут попеременно та — первая и тот — второй.
Дух — зеркало, но пылью страсти оно скрывается порой,
Стирай же пыль, стекла шлифовку блестящей еще пуще
сделай.

Когда бы Агахи ни вышел на рынок Страшного суда,
Он в лавке бедности собирает, что не продается никогда.
Все бесполезно, даже цены снижать не стоит и труда.
Богоугодных дел Муниса будь покупателем, тогда
На перекрестке благодати ты милосердье сущим сделай.

МУХАММАС НА ГАЗЕЛЬ РАДЖИ

Мой разлуки рассвет стал закатом пылать постепенно,
Стал я сетовать часто и стал я стонать постепенно.
Чтоб желанья мои ты могла исполнять постепенно,
О красавица, надо ко мне подступать постепенно,
И души моей сад под жилище занять постепенно.

А мое обиталище стало несчастья тюрьмой:
Зрение слабо мое, в сердце — тьма и язык мой — немой.
Видишь, как я грущу? Пожалей, о луна! Блеск былой
Ты глазам возвратишь, потемневшим в разлуке с тобой,
Если будешь свой солнечный лик открывать постепенно.

Говоришь: «Груз недугов нести ты не сможешь, любя.
В сердце лезвием горя войти ты не сможешь, любя.
По пустыне печали пройти ты не сможешь, любя.
Да и головы напрочь снести ты не сможешь, любя».
Но отвечу я: «Учится воинов рать постепенно».

С той поры как живу я, в любовных страданиях мечась,
Превратился я в тень, нет покоя душе ни на час.
В этом жалком обличье застал меня пир твой как раз.
Пой, певец! Ты настрой на великую жалобу саз,
Ведь нельзя этот страстный напев напевать постепенно.

Человек, вот совет мой: не будь, как животное, сам,
Не бросайся на все, что везде попадается нам.
Похоть дух покоряет. И вновь я совет тебе дам:
Чтобы страсть приручить — будь воздержан; упрямым
коням

Удила надо с толком подтягивать, жать постепенно.

Невысказательностью уважение снискает народ,
А темница корысти его к унижению ведет.
О мудрец! Обличай неразумность — невежества плод,
Сей воздержанность, если наука твой верный оплот,
А корыстных отметит позора печать постепенно.

Как пришел Агахи в безотрадную эту юдоль,
Одолели недуги его и растет его боль.
Виночерпий, будь жалостлив, скорбного не обездоль,
Винный кубок Раджи поднеси, утешающий столъ,
Боль уймется, когда из него отпивать постепенно.

МУСАДДАСЫ

Друзья, на ту, что всех милей, желаннее, взгляните.
На ясного ее лица сияние взгляните.
Вы на пушок, чье оживит касание, взгляните,
На стан, на шалости ее заранее взгляните,
На лук бровей, на черных глаз блистание взгляните,
На боль от них и на мое страдание взгляните.

Коль пламя вздоха моего превыше туч, что делать!
Коль мечет к небу влагу слез глаз моих ключ, что делать!
Теряется в небытии блаженства луч, что делать!
Не говорите: «Жалобой ты нас не мучь». Что делать!
На лук бровей, на черных глаз блистание взгляните.
На боль от них и на мое страдание взгляните.

Стан состязаться с деревом изящества готов,
У губ ее сладчайший вкус изысканных плодов,
С нежнейшим сахаром сродни услада ее слов,
И пери не сравнится с ней, и ангел не таков.
На лук бровей, на черных глаз блистание взгляните,
На боль от них и на мое страдание взгляните.

Что на меня нашло ума затмение, не диво.
Что непрестанно слез моих течение, не диво.
Что умолчал я о моем мучении, не диво.
Что потерял я говорить умение, не диво:
На лук бровей, на черных глаз блистание взгляните,
На боль от них и на мое страдание взгляните.

Пред нею солнце — лишь родник невидимых лучей.
Она шахиня красоты, мы все подвластны ей.

Готовы жизнью за нее пожертвовать своей
Все пери, гурии небес. На пленника страстей,
На лук бровей, на черных глаз блистание взгляните,
На боль от них и на мое страдание взгляните.

Иной раз в этом кабаке, чтоб горе утопить,
Желанья чашу я хочу из жадности испить —
Хочу из губ моей луны я жажду утолить.
Не ждите, для меня покой не может наступить —
На лук бровей, на черных глаз блистание взгляните,
На боль от них и на мое страдание взгляните.

Ты угнетения знаток, в том равных нет тебе.
Что верность, милость и любовь? Их явно нет в тебе.
Жестокость есть, а доброты подавно нет в тебе,
И милосердия к гибнущим бесславно нет в тебе.
На лук бровей, на черных глаз блистание взгляните,
На боль от них и на мое страдание взгляните.

Прозрачным милостей вином хочу напиться я,
Хоть печень в алчном пламени обуглилась моя.
Терплю, подобно Агахи, невзгоды бытия.
Вы отрешенность мне в вину не ставьте, о друзья,
На лук бровей, на черных глаз блистание взгляните,
На боль от них и на мое страдание взгляните.

* *
*

Угнетаемым временем в мире земном я стал,
И с недугом дружить в состоянии таком я стал.
Хорошо бы, гулякой в собрание хмельном я стал,
Чтоб в чаду опьянения богатырем я стал!
Сколько можно грустить? Лучше б весельчаком я стал!
Дай мне, кравчий, вина, чтобы риндам дружком я стал.

С чувством встретясь едва, набираться я стал ума,
Как меня под замок посадила скорбей тюрьма,
Мои слезы видали — свет дней и ночей тьма,
Стала спутницей вечной моею печаль сама,
Сколько можно грустить? Лучше б весельчаком я стал!
Дай мне, кравчий, вина, чтобы риндам дружкой я стал.

Я посмешищем сделался, небо гнетет меня,
Я на чанге печали натянут, струной звеня,
Мне без тысяч стенаний теперь не прожить и дня,
Изувечен я горем, нет в сердце моем огня.
Сколько можно грустить? Лучше б весельчаком я стал!
Дай мне, кравчий, вина, чтобы риндам дружкой я стал.

Пусть мне душу от горестей освободит кабак.
Пусть рассеется в раненом сердце недугов мрак.
Мне ученость — обуза, мне даже рассудок — враг.
Все до тла разорю, уничтожу всех бед очаг.
Сколько можно грустить? Лучше б весельчаком я стал!
Дай мне, кравчий, вина, чтобы риндам дружкой я стал.

О, гуляке легко — неба гнев не грозит ему,
И событий обвал тело не поразит ему,
И довольство и бедствия мира ему ни к чему:
Мир живет или гибнет — пускай, так и быть тому.
Сколько можно грустить? Лучше б весельчаком я стал!
Дай мне, кравчий, вина, чтобы риндам дружкой я стал.

Жизнь прошла в размышленьях о том, как ужасно впасть
В нищету, и терпеть униженье, беду, напасть;
В размышленьях про скупость и алчность имущих
власть,
Чья безмерна к динарам, к дирхемам и злату страсть.
Сколько можно грустить? Лучше б весельчаком я стал!
Дай мне, кравчий, вина, чтобы риндам дружкой я стал.

Чтоб молиться о благе, я в келье обрел приют,
Но свершенья желаний, увы, не нашел и тут.
Вновь меня, как и прежде, сто тысяч забот гнетут.
Пусть, как сам Агахи, я лишуся рассудка пут,
Сколько можно грустить? Лучше б весельчаком я стал!
Дай мне, кравчий, вина, чтобы риндам дружком я стал.

ТАРДЖИБАНД

Сей мир сооружен непрочно среди других планет,
В него вошедшему — от страхов уже спасенья нет.

Видны на всех колоннах мира приметы разрушенья,
Для обитателей жилища все это не секрет.

А с потолков, ежеминутно ветшающих все боле,
Обильно сыплется все время пыль неудач и бед.

Ни на мгновенье не свободен от вечных опасений
Любой из нас, для проживанья избравший этот свет.

В юдоли скорби, будь ты шахом или последним нищим,
Отрады кубком и покоем не будешь ты согрет.

На каждого тут сто несчастий и хворей нападают,
Нет человека, кто б улыбкой, без слез встречал рассвет.

Надеясь радости достигнуть, пришли сюда иные,
Но ни один мечты свершенье не получил в ответ.

Наш мир — развалина, руины — пред ним цветущий
сад.
Покинувший его свободен от горя и утрат.

Сей мир — цветник без аромата, в нем уваженья нет,
В нем даже к радости душевной расположенья нет.

До времени к нему весною приходит увяданье,
А для произрастанья жизни в нем и мгновенья нет.

В нем омрачен рассвет надежды закатом черной скорби,
А красотой и чистотою в нем наслажденья нет.

Любой бутон лишен в нем листьев, а каждая пичуга
В нем только жалуется горько — улады в пенье нет.

Вот, кажется, роса упала, а это слезы горя,
Поднялся стебель — совершенства в таком растенье нет.

Событий горестные толпы весь мир до края запрудили,
Пространства для прогулки мирной без приключенья нет.

Его насельника, что жаждет в нем обрести блаженство,
Изводят нужды и болезни, а избавленья нет.

Его жильцов сто тысяч тягот сопровождают всюду,
Тюрьма страданий он — дороги к освобожденью нет.

Наш мир — развалина, руины — пред ним цветущий
сад,
Покинувший его свободен от горя и утрат.

Земля — коварная колдунья, мерзка и неверна,
Вражду рождать ее призванье, нас мучает она.

Она убийца от природы, в ней жалости — ни капли,
А совести, великодушья и вовсе лишена.

Ее оружие — лукавство, ужимки и уловки,
Чтоб завладеть народом ею сеть козней сплетена.

Кривляется ежеминутно, хитрит обманом манит,
Дабы душа людская страхом была поражена.

Копье в ее сокрыто стане, чтоб наше тело ранить,
Раздора шип — ее ресница, она сердцам страшна.

А к локонам — тенетам страсти — безудержно
влекомый,
Стал узником и в тьму повергнут весь род людской
сполна.

Разлуки ядом отравляя, людей в беду ввергает,
А сласть желанного свиданья беднякам не дана.

В конце-концов смертельным жалом мечты
недостижимой
Она казнит того, кто стонет, и чья душа больна.

Наш мир — развалина, руины — пред ним цветущий сад,
Покинувший его свободен от горя и утрат.

Пристрастья к суетности мира питать не надо, сердце,
Не попадай в беду, иначе не жди пощады, сердце.

Наш мир в себя людей влюбляет, заигрывая в ними,
Чтоб тем верней тебя убила печаль разлада, сердце.

Тех, кто к свиданию стремится, он гнетом умерщвляет,
Не соблазняйся — осторожность поставь преградой,
сердце!

Прикидывается шалуньей, сердечною отрадой,
А в самом деле то старуха, отродье ада, сердце.

Замыслив колдовской игрою в плен захватить
влюбленных,
Улыбками он маскирует кольцо осады, сердце.

Обмануты его коварством все жители планеты,
О встрече молят, ожидают его награды, сердце.

Нет в целом свете человека, кто, злым поддавшись чарам,
Не испытал бы горя жизни и скорби хлада в сердце.

Наш мир — развалина, руины — пред ним цветущий сад,
Покинувший его свободен от горя и утрат.

Руины мира... Смерть — блаженство для всех живущих там!
В нем есть лишь место праху скорби, страдания камням.

Его недолговечны краски, а в воздухе застойном
Не разгуляться благородства и верности ветрам.

В его пустынях не найдется и признака веселья,
И не присущи наслажденья и радость — городам.

И там, и тут лишь толпы грозных и бедственных событий
Все топчут, принося погибель садам и цветникам.

Любой, вступивший в древней этой развалины пределы,
Не сможет больше облегченья найти своим скорбям.

Он притеснял когда-то даже владыку Аффридуна,
Терпели муки и великий Кавус, и гордый Джам.

Нет человека, кто бы мира жестокость не изведаль,
Не избежать его терзаний и нищим, и царям.

Покинь лукавый мир, стань нищим, стань, Агахи,
аскетом,
Когда ты в сеть его коварства попасть не хочешь сам.
Наш мир — развалина, руины — пред ним цветущий
сад,

Покинувший его свободен от горя и утрат.

РУБАИ

1

Мне в спутники, аллах, ты ниспослал страданье,
Слезами день и ночь плачу желаньям дань я,
Содей, чтобы мой дух страданья побеждал,
И чтоб мой разум был сильнее, чем желанья.

2

О ты, мудрец, кому наука покорилась,
Ты знаньем поделись со мною, сделай милость.
Я из последних сил за мудростью пришел,
Чтобы в меня она вошла и укрепилась.

3

Хоть нищета — позор, я к ней привык, о боже,
Того, к чему я шел, я не достиг, о боже,
Дарован ум одним, досталась власть — другим,
А мне лишь седина и черный лик, о боже!

4

Открой свои уста, чтоб сладко говорить,
Вернее жемчуга нанизывать на нить.
Не страшно, что меня убить лишь словом можешь,
Ведь можешь ты потом лишь словом оживить.

5

Ты сердце мне сожгла, сожгла своим огнем.
О как оно болят: любовь и пепел в нем.

Пусть в сердце у меня всего любовь и пепел,
Ни пепла, ни любви, а только гнев в твоём.

6

Творец моей беды — жестокий небосвод,
Причина слез моих — сей мир, что нас гнетет.
А впрочем неба свод и мир не виноваты,
Разлука с милой — вот что спать мне не даёт.

7

Надежды на людей ты не питай напрасно,
Оплошности такой не совершай напрасно,
На сильных мира ты не очень уповай,
Страданий на себя не навлекай напрасно.

8

О кипарис мой, мой неверный друг,
Ты то возникнешь, то исчезнешь вдруг,
И радость хоть на миг пусть мне подарит чаша,
Что осушу тотчас, приняв из милых рук.

9

Пусть брови, пусть глаза твои меня казнят,
Пусть убивают сто иль двести раз подряд,
Я знаю: казнь моя тебе доставит радость,
Казни, в свой смертный час я смерти буду рад.

10

Когда познаешь боль ты на пути любви,
Ее достоин будь, ту боль благослови,
А если ропщешь ты, клянeshь неверность милой,
То горести свои любовью не зови.

11

О господи, спаси от многого несчастья,
От жадности спаси и от иной напасти,
Терпеньем награди, от спеси огради
И от вниманья тех, кто держит повод власти.

12

На грусть-печаль мою хоть раз ты обрати вниманье,
На бледность щек, на слезы глаз ты обрати вниманье,
На стоны тяжкие мои, на горькие стenanья,
Сжигающие мир подчас, ты обрати вниманье!

13

Я твой тяжелый гнет терпеть не в силах, небо,
Разлукой грудь мою ты обагрило, небо.
Не слезы течь, а кровь заставило из глаз,
Иль вовсе жизнь мою отнять решило небо?

14

Под звуки благозвучных струн ты хорошо поешь,
На голос нежный соловья твой голосок похож.
Ты милость прояви и всем пирующим в уславу
Кокетство до утра умерь, а доброту умножь!

15

Теперь уже тому не быть, что прежде не сбылось,
В бoренье с немощью вступить не думал, а пришлось,
Не я ее, она меня на землю повалила,
Ее копьe пронзило грудь и в сердце мне впилося.

16

Зачем ты с воплями кружишься тут, о шейх?
Зачем позоришься, как жалкий шут, о шейх?

Ужели хочешь ты, чтоб видел весь народ,
Какой ты лицемер, и лжец, и плут, о шейх?

17

В мечети ты намаз творишь в тиши, отшельник,
Чтоб жажду утолить своей души, отшельник.
А не успеешь в том — зайди в питейный дом
И чашу полную ты осуши, отшельник.

18

Что б ни твердили там, а пить вино приятно!
Как сладостно оно и как оно приятно,
Не знает лишь аскет... Но разве для больного
Лекарство, что его спасти должно, приятно?

19

Смеется в дни весны лицо земли:
Все розы, все тюльпаны расцвели.
Любимая, пируя на лужайке,
Весенним хмелем сердце весели.

20

Не переделаешь людей дурного нрава,
Зловещих, как сова, чья незавидна слава!
Так, ядовитый ствол ты хоть живой водою
Усердно поливай, плоды его — отравя.

21

Пылинка и взлетев большой звездой не станет.
Долина никогда горой крутой не станет.
Невежда — тот же скот, и как над ним ни бейся,
А человеком он, как скот тупой, не станет.

22

Пришла весна, пришла пора веселья.
О роза, пей из чаш добра, веселья!
Мгновеньем дорожи, быть может, завтра
Лишимся мы уже с утра — веселья.

23

О как ты в эту ночь прекрасно пел, певец!
О как был твой напев и свеж, и смел, певец!
Дай бог тебе прожить все десять тысяч лет,
Ты душу в пиршество вдохнуть сумел, певец.

24

Едва я сахар слов вкусил от милых губ,
Затрепетал, воскрес мой бездыханный труп.
— Кудесницу свою, подобную Исе,
Забудь! — твердит ханжа... Ну, разве он не глуп?

25

С тех пор как мы в немилости у неба,
Ученый у невежды просит хлеба.
А если б мир устроен был разумно,
То не мудрец — невежда жил в нужде бы.

26

Слова людские — море; смысл речей —
Жемчужина среди его зыбей.
То море может в сердце поместиться,
Но где сердца — сосуды для морей?

27

Как ни выхаживай — сорняк цветком не станет,
Как галку ни учи, а соловьем не станет.

Сто добрых дел и дел плохому человеку,
Он отвечать тебе на них добром не станет.

28

Необычайная всю ночь крепчала стужа,
Ежесекундно в грудь стократ стучала стужа,
Вонзила в плоть мою ста копий жала стужа,
Вопит душа моя — ей горло сжала стужа.

29

Я вижу смерть мою — мне от мороза тяжело!
Дрожу, как будто бы на мне одна рубашка.
Одно спасение: огонь, горячий плов
Из мяса курицы иль жирного барашка.

30

Меня преследует, как лютый зверь, судьба.
В разлуке множит счет моих потерь судьба
Напрасно я молю: свой гнев умерь, судьба!
Меня намерена убить теперь судьба.

31

Мне жизнь напомнила, что я совсем старик:
Скучеет разум мой, коснеет мой язык,
Так метко копья мук вонзил в меня недуг.
Что, тело проколов, души моей достиг...

Т У Ю Г И

В лук превратила скорбь мой тонкий, стройный стан,
Мой стон воспламенил на небе звездный стан,
Каким же быть должно светил расположение,
Чтоб проявила ты ко мне расположение?

Друзья мои, пойдите к милой, к той,
Что не идет, увы, ко мне на той.
Кто может упротить ее: султан иль пир
Хотя бы раз придти ко мне на пир?

Ты обещаний ложных не мечи,
Чем ложь, уж лучше стрелы и мечи,
Всю жизнь твоя неверность убивала
Надежду, что с годами убывала.

Когда твой гаснет день, когда подходит к краю,
И старый конь трусит туда, поближе к раю,
Желание и страсть — ты эти оба зданья
Старайся превратить в обитель обузданья.

Я от невзгод ослаб, утратил состоянье,
Но что тебе мое такое состоянье,
Сразившее меня. Тебе и не случилось
Хоть у людей узнать, что же со мной случилось?

Звезда ее зрачков, ее бровей излука,
Хоть и разит меня, словно стрела из лука,
Все ж тот я человек, что защитит ее,
Иди, соперник, прочь, я — верный щит ее.

М А С Н Е В И

Тот сад, что называют миром нашим,
Цветами убран, звездами украшен.

Любой земной цветник во дни цветенья —
Пристанище для ждущих наслажденья.

И ты представь себе, что это — рай,
И ароматом душу услаждай.

Пусть быстрых рек и родников течение
Представится тебе водой спасенья.

И в тихий час ты над водой склонись
И в ней, словно в зеркале, отразись.

Что полон райской влагой твой родник,
Ты потому забыл, что к ней привык.

Над всей землей царит благоуханье,
Как будто бы над ней Исы дыханье.

По всей земле, обширной в даль из дали,
Цветы и травы краски разбросали.

В садах раскрылись алые бутоны,
Как на пирах рубины уст влюбленных.

И как пушок над милыми губами,
Темнеет базилик над берегами.

Устал нарцисс собою любоваться,
Нам всем красавцем хочет он казаться.

И кипарис возвысился счастливо,
Свой стан вознес легко и горделиво.

Все на земле цветет и тяжелеет,
На каждой ветке плод вот-вот созреет.

Какой-то плод пригляднее другого,
У каждого свой вкус, своя основа.

И песни соловья пронзили даль,
В какой-то песне — радость, в той — печаль.

Летают горлинки, сидят воркуя,
И разгоняют грусть-печаль людскую.

Средь многих птиц одна другой чудесней,
Рознятся и окраска их, и песни.

Хоть стары песни, но не устарели,
И рады все, кто слышит птичьи трели.

Земля — не рай, но красота земная
Соизмерима с красотой рая.

И потому-то ревности следы
Сокрыть не могут райские сады.

Сияние дворцов страны земной
Соперничает с солнцем и луной.

Блистают стены сотнями узоров,
И это — радость для сердец и взоров.

На пиршествах земных поют певичцы,
Любая может с гурьей сравниться.

Украшен мир красой певуний статных,
И звуками их песен благодатных.

И слушающих жгут воспоминанья,
Когда они поют в людском собрание.

Поет, поет певица молодая,
Рубины и жемчужины роняя.

И соловей ее унижен пеньем,
И борется Мессия со смущеньем.

И оживают мертвые в могилах,
Заслышав звуки песен, сердцу милых.

Так сладостна на чанге их игра,
Что мнится людям: чанг взяла Зухра.

И звуки той мелодии сердечной
Приносят многим весть о жизни вечной.

Красавицы на тое восседают
И гуриям красой не уступают.

Все их движенья — порожденье счастья,
И все без исключенья в их мы власти.

И взгляд их источает жар свеченья,
И заражает нас их опьяненье.

Что породило их? Господня милость.
С красой их доброта соединилась.

Соседством кравчих мы награждены,
Их взором, их кокетством пленены.

И если поразит нас опьяненье,
То кравчий наше отвратит паденье.

И если кто-то занедужит вдруг,
То кравчий тут же ответит недуг.

Пусть всех, кто угнетен на этой тверди,
Утешит наших кравчих милосердье,

И всех, кто стонет ныне от обид,
Утешит иль хотя бы опьянит.

Должны мы винному воздать сосуду,
Чье содержимое подобно чуду.

Что мы ему ни скажем в восхваленье,
Не будет в этом преувеличенья.

Звук, что рождает винная струя,
Напоминает пенье соловья.

Сосуду винному дано гордиться
Тем содержимым, что внутри таится.

Вспоминается благой сосуд,
И улыбается угрюмый люд.

Хоть кравчие — веселья украшенья.
С похмелья радуют нас их движенья,

Но все же чаша — на пирах царица.
Цветами многими она искрится.

Раскрашены стекло или же глина
Как и не снилось живописцам Чина.

Та чаша, словно полная луна,
Особенно, когда полна вина.

Нет, не пуста она, когда кочует,
Пирующий в уста ее целует.

Тем, кто целует, и она в ответ
Вино дарует или же шербет.

Ей, раскрывающей большущий рот,
Наверное смешно, что пьющий пьет.

Став верным средством для изгнания грусти,
Нас от себя она уж не отпустит.

Всех нас тревожит сладостное зелье,
Мы жить не можем без его веселья.

Ведь не напрасно и богач, и нищий,
Со щедрой чашей новой встречи ищут.

Она всех, кто в бессилии лежит,
Как струи Сельсебрия оживит.

Все чаши винные тем хороши,
Что в щедрых в них забвенье для души.

Мы пьем питье, что ангелам подстать,
Чтоб хоть на миг нам ангелами стать.

Веселье, что дарит вино, бескрайно,
Сокрыта в винном аромате тайна.

С вином блаженство нам пошлет господь,
И силу обретет больная плоть.

Оно желанья наши утолит,
Загадки мирозданья разрешит.

Ночь скорби озарит, свечу зажжет
И отдалит приход дневных забот.

С чудесной влагой каждый встречи ищет,
Чтоб стало раем бедное жилище.

Чтоб в гурию любая чаровница
Для нас хмельных могла бы превратиться.

О гурии, в томленьях, что напрасны,
Я говорю: они, как жизнь, прекрасны.

На небе красоты их брови — луны,
Глаза чисты, что у газелей юных.

Для них кокетство — лук, колчан — ресницы,
Им нас казнить или самим казниться.

Их локоны — расставленные сети,
Чтоб завлекать всех, кто ни есть на свете.

Их родинки и над губой пушок,
Причина нашей скорби и тревог.

А проявление шалостей беспечных
В огонь любви ввергает многих встречающих.

Кто одарен улыбкой их мгновенной,
Готов расстаться с жизнью этой бременной.

Но если отыскать тропу свиданья,
Ты станешь пьян от жаркого лобзанья.

Поймешь, что милой пери красота —
Вот истина, иное все — тщета.

Блаженство, что зажжет тебя огнем,
Преумножаться будет с каждым днем.

Итак, прекрасен этот мир великий
Для нищего, равно как для владыки.

Нас озаряет мир сияньем божим,
Он душу услаждает, радость множит.

Не потому ль прекрасен ваш простор,
Что длань свою аллах над ним простер.

Одарен край земной не хуже рая,
Его щедротам нет конца и края.

Его сокровищ и даров не счесть,
Его блаженств, его пиров не счесть.

Он щедро одаряет нас добром,
Но вот беда: нет постоянства в нем.

Равно и беды здесь и наслажденья
Быстротекущи будто бы мгновенья.

И даже песням, что поет певец,
Всему, что началось, придет конец.

И в песнопеньях облегченья нет,
В них только боль, а утешенья нет.

Хоть радостей не счесть, не счесть щедрот,
Но радости на смену боль придет.

Придет вослед цветенью увяданье,
И слишком быстротечен миг свиданья.

На этом свете счастья свет не вечен,
И расставанье вслед идет за встречей.

И даже тот, кто достигает власти,
Ее теряет на свое несчастье.

Не стоит сладость власти над народом
Печали, связанной с ее уходом.

На свете все: и падишах, и нищий,
Когда-то для печали станут пищей.

Из наших прошлых дней тому пример
Бахрам и Джам, и даже Искандер.

Желания людские и стремленья
Растут по мере их осуществленья.

И потому царям на троне власти
Случалось ли познать любовь и счастье?

Того, владели чем, казалось мало,
Быстрей, чем власть, желанье возрастало.

И не сумев достичь конечной цели,
Властители не жили, как хотели.

И все они пристанище нашли
На кладбищах подвластной им земли.

Они ушли, оставили именья,
С собою взяли только сожаленья.

И ты, о человек, живя с людьми,
Что суетно, что истинно, пойми.

Чтоб не сгубить быстротекущих лет,
Не расточить на суету сует.

Пусть блеск пиров тебя к себе не манит,
Не манит щедрость мира, что обманет.

Печаль и радость, бедность и достаток,
Прими достойно, ибо век твой краток.

Пусть над землею властвуют цари,
А ты за то, что есть, благодари.

С тем, что тебе ниспослано, смирись,
А станет слишком тяжело — помолись.

...Для племени родного, Агахи,
Скажи благое слово, Агахи!

Нельзя не верить нам твоим словам,
Но должен им ты следовать и сам.

И от словес благих велик ли прок,
Когда изрекший их от них далек?

* *
*

Приди, о кравчий, чтоб огнем веселья
Невзрачная моя согрелась келья.

Приди и светом утренней зари
Ночь моего унынья озари.

О кравчий мой, возьми кувшин вина,
Чтобы палить мой кубок дополна.

Вина для уст моих не пожалей,
Чтоб кубок не был пуст, ты лей и лей.

Мне, может, это красное вино
Поможет то принять, что суждено.

И то тебе скажу я во хмелю,
Что трезвым говорить я не люблю.

Причина всех моих несчетных бед
В том, что люблю я пери много лет.

Лишь с ангелом сравнимая, она
Из солнечного света соткана.

Любимой стан превыше всех красот,
Он схож с самшитом, что в раю растет.

Ее красу увидев, со стыда
Сокрылась чудотворная вода.

Стал месяц красоты ее рабом,
Себе пометил лоб ее клеймом.

Нарцисс от глаз ее безумным стал,
Собою любоваться перестал.

И каждый завиток ее кудрей,
Крючок для уловления людей.

Миндаль собой пожертвовал навек
Во имя красоты любимых век.

И кажется, природный жемчуг груб
В сравненья с тем, что с милых сходит губ.

И бисер от смущения зачах
Пред бисером зубов в ее устах.

Когда она снимает свой платок,
Ее сиянье всех сбивает с ног.

Когда шагает, весела, светла,
Пред ней главу склоняет и скала.

А если вдаль свой устремляет взгляд,
Весь мир бывает смутною объят.

И видящий ее сдается в плен,
И ничего не требует взамен.

Но небо зло, оно убило нас,
Свести могло, но разлучило нас.

Я всюду, жаждой встречи одержим,
Искал, скитался по путям земным.

Моим стенаньям не было числа,
Из глаз моих не слезы — кровь текла.

Не видел ночи я, не видел дня,
Смерть всюду покушалась на меня.

Я милую искал во тьме незнания,
То падал, то вставал, терял сознание.

И вот однажды ночью темной вдруг
Во благо мне сместился неба круг.

И милая пришла, нашла меня,
Завет извечной верности храня.

Все озарив красою неземной,
Вошла и села с немощным со мной.

Склонилась надо мной и длань простерла
И дланью той слезу мою утерла.

И вот я в первый раз за много лет
Вкусил свиданья сладостный шербет.

Она сказала: «О мой верный друг,
Проплакавший глаза в ночи разлук.

Как без меня сносил ты все невзгоды,
Как жил в ночи не месяцы, а годы?

Что испытал ты в темной той ночи?
Все Расскажи мне, душу облегчи.

Я так ответил ей, придя в сознание:
«Мое сама ты видишь состоянье.

За этот срок всего я знал немало,
Не кончить мне рассказ, начав сначала.

Но подарившей мне свиданья милость
Поведаю я кратко, что случилось.

Когда исчез твой стан во тьме разлук,
Мой стан в тоске согнулся, будто лук.

Когда в крошечной тьме твой скрылся лик,
И месяц моего лица поник.

Мечтая глаз твоих увидеть свет,
Свой проплакал я за много лет.

Мечтая о густых кудрях твоих,
Лишился я своих волос былых.

Вспоминая о твоих речах,
Я онемел и от тоски зачах.

Я думал о тебе, моей луне,
И горько было, было сладко мне.

Так я лежал сегодня, понимая,
Что мне конец, что я дошел до края.

И свел бы с жизнью счёты в этот день я,
Когда бы не твоё возникновенье.

Я превратиться должен был во прах,
Но ты пришла ко мне; велик аллах!»

Моим речам внимала до конца
Та, что сражала многие сердца.

Она о верности моей узнала,
Узнала все, что было, все, что стало.

И предо мной намеренья открыла,
Сдалась мне в плен, тому, кого пленила.

Она уткнулась в грудь мою лицом,
Она стянула шею мне кольцом.

Потом склонилась на мое плечо,
И плача, зашептала горячо:

«Про все, что было, ныне позабудь,
Теперь мы вместе, в этом счастья суть.

Быть вместе нам, как должно быть влюбленным,
По всем людским и божьим законам.

По воле господа в счастливый день я
Пришла сюда в твое уединенье.

Какие б ни настали времена,
Всегда я буду лишь тебе верна.

И как бы нас с тобой ни разлучали,
Друг другу мы не принесем печали.

Пусть наше исцелит тебя свиданье,
Аллах осуществит твои желанья!»

...О Агахи, в усердии напрасном
Ты рассказал о сне своем прекрасном.

Хоть далеко от яви то, что снится,
Но сон твой, может быть, осуществится.

И, может быть, тебе в ночи разлуки
Она и наяву протянет руки.

И встречей наградит того аллах,
Кто преданность хранит, кто ждет в слезах.

КОММЕНТАРИИ

«Алиф» — первая буква арабского алфавита, изображается в виде вертикальной прямой линии.

Бахрам — планета Марс, небесный воитель, популярный персонаж героических и романтических произведений.

Бедиль — индийский поэт (1644—1721); писал на фарси.

Бейт — двустишие.

Газель — лирическое стихотворение главным образом любовного содержания, написанное бейтами, двустишиями, связанными одной рифмой.

Гулистан — буквально цветник, розовый сад, символ цветущей страны.

Дастархан — скатерть; накрытый стол.

Джам (Джамшид) — легендарный царь древнего иранского эпоса, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.

Джами Абдурахман — выдающийся таджикско-персидский поэт (1414—1492).

Джейхун — старое название Амударьи.

Диван — собрание стихов.

Зиндан — тюрьма.

Зулейха — героиня произведений многих восточных поэтов.

Ирем — райский сад.

Искандер — Александр Македонский (356—322 гг. до н. э.)

Иса — Иисус Христос; причисляется к лицу великих пророков.

Кааба — название храма в Мекке, священном городе мусульман.

Карнай — духовой музыкальный инструмент.

Карун (библ. Корей) — по мусульманским преданиям богач, обладатель несчетных сокровищ. За скупость был проклят и поглощен землей со всеми своими богатствами.

Коран — священное писание мусульман.

Лейли и Меджнун — классическая влюбленная пара, чья любовь заканчивалась трагедией.

Маком — народная музыка; основа профессиональной музыки.

Масневи — форма восточной поэзии, рифмованные двустопишия.

Медресе — духовное мусульманское училище.

Мессия — легендарный пророк. В некоторых поэтических произведениях — символ света и жизни.

Мунис (Шермухаммед Мунис Хорезми) — узбекский поэт, историк начала XIX века.

Мурабба — форма восточной поэзии, четверостишия. Последние строки каждой строфы связаны одной сквозной рифмой.

Муса — библейский пророк Моисей.

Мустазад — форма народной и классической восточной поэзии со сложным размером.

Мусаддас — форма восточной поэзии, рифмуются первые четыре строки каждой строфы.

Мухаммас — форма восточной поэзии, пятистишия, в которых все строки имеют одну рифму.

Намаз — пятикратная молитва мусульман.

«Нун» — буква в виде дуги с точкой в арабском алфавите.

Рубаи — форма лирической восточной поэзии, четверостишие, в котором рифмуют первую, вторую и четвертую строки.

Саади Ширази — классик мировой литературы, персидский поэт XIII века, автор популярных произведений «Гулистан» и «Бустан».

Сельсебиль — по легенде, источник в раю.

Сулейман — мудрый повелитель людей и стихий, символ могущества и справедливости.

Суфий — последователь суфизма, мистической философии ислама, возникшей в IX веке.

Тарджибанд — форма восточной поэзии. Каждая строфа состоит из бейтов. В конце строфы повторяется один бейт, который по смыслу должен быть связан с ней.

Туюги — четверостишие, построенное на игре слов. Омонимы используются в качестве рифм.

Фархад и Ширин — герои популярных поэмы Низами, Амира Хосрова Дехлеви, Навои.

Фаридун — имя мифического царя.

Физули — великий азербайджанский поэт (1325—1389).

Хызр — чудотворец, хранитель живой воды.

Хирман — ток, гумно.

Чанг — струнный ударный музыкальный инструмент.

Чин — Китай.

Чулпан — Венера, утренняя звезда.

Шейх — глава мусульманской религиозной общины, секты, школы, старшина племени.

Юсуф (Юсуп, библ. Иосиф Прекрасный) — герой поэтических произведений Востока.

НА ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

1. На обложке: иллюстрация к лирике поэта.
2. На фронтисписе: портрет Агахи.
3. «Ты восемнадцати годов достигла, и молю я ныне,
чтоб восемнадцать тысяч звезд над головой твоей
светилось».
4. «Принарядила хмурый мир, звенит, поет весна,
Преобразила лик земли и неба свод весна».
- 5—6. Страницы из дивана «Талисман влюбленных».
- 7—8. Родина поэта.

СОДЕРЖАНИЕ

Мухаммад Риза Агахи. <i>Предисловие</i>	
Ф. Ганиходжаева	3

ГАЗЕЛИ

1—5 <i>Перевел</i> Н. Гребнев	7—10
6 <i>Перевел</i> Р. Моран.	11
7—14 <i>Перевел</i> Н. Гребнев	11—17
15 <i>Перевел</i> Р. Моран.	17
16 <i>Перевел</i> Н. Гребнев.	18
17 <i>Перевел</i> Р. Моран	19
18 <i>Перевел</i> Н. Гребнев	20
19 <i>Перевел</i> Р. Моран	20
20—25 <i>Перевел</i> Н. Гребнев	21—25
26—27 <i>Перевел</i> Р. Моран	26—27
28—30 <i>Перевел</i> Н. Гребнев	27—29
31 <i>Перевел</i> Р. Моран	30
32—34 <i>Перевел</i> Н. Гребнев	30—32
35 <i>Перевел</i> Р. Моран	33
36 <i>Перевел</i> Н. Гребнев	34
37 <i>Перевел</i> Р. Моран	34
38—43 <i>Перевел</i> Н. Гребнев	35—39
44 <i>Перевел</i> Р. Моран	40
45—47 <i>Перевел</i> Н. Гребнев	40—42
48 <i>Перевел</i> Р. Моран	43
49—51 <i>Перевел</i> Н. Гребнев	44—46
52—53 <i>Перевел</i> Р. Моран	46—47
54—64 <i>Перевел</i> Н. Гребнев	48—57

65—66	<i>Перевел Р. Моран</i>	57—58
67—70	<i>Перевел Н. Гребнев</i>	59—62
71—72	<i>Перевел Р. Моран</i>	62—63
73—74	<i>Перевел Н. Гребнев</i>	64—65
75—80	<i>Перевел Р. Моран</i>	65—69
МУСТАЗАДЫ. <i>Перевел Р. Моран</i>		71
МУРАББА. <i>Перевел Н. Гребнев</i>		74
МУХАММАСЫ. <i>Перевел Р. Моран</i>		78
МУСАДДАСЫ. <i>Перевел Р. Моран</i>		94
ТАРДЖИБАНД. <i>Перевел Р. Моран</i>		98
РУБАИ		
1—15	<i>Перевел Н. Гребнев</i>	102—104
16—31	<i>Перевел Р. Моран</i>	104—107
ТУЮГИ. <i>Перевел Н. Гребнев</i>		108
МАСНЕВИ. <i>Перевел Н. Гребнев</i>		109
Комментарии		122

Избранная лирика Востока

АГАХИ

Из б р а н н о е

**Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент — 1984**

**Редактор издательства И. К. Исаева
Художественный редактор Г. П. Аксенов
Техн. редактор Г. Г. Ломиворотова
Корректор Е. А. Омельченко**

Сдано в набор 28.11.83. Подписано в печать 2.03.84.

Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1

Гарнитура школьная. Печать офсетная.

Усл.печ.л. 4,68 + 5 вкл. Уч.-изд.л. 4,43.

Тираж 355000. Заказ № 2413.

**Цена на мелованной бумаге — 75 коп,
на типографской бумаге — 65 коп.**

**Ордена Трудового Красного Знамени типография
Издательства ЦК Компартии Узбекистана.
700029, ГСП, Ташкент, ул. «Правды Востока», 26.**